

Проблемы формирования
лингвокультурной компетенции
Герценовские чтения – 2016

Выпуск 3

Проблемы формирования лингвокультурной компетенции

Сборник научных статей

Герценовские чтения – 2016

Выпуск 3

ББК 81.2 Рус.я431
П78

*Печатается по решению
кафедры русского языка
РГПУ им. А.И. Герцена*

*Редколлегия
В.Д. Черняк, д.ф.н., проф. – отв. ред.
А.И. Дунев, к.ф.н., доц.*

П78 Проблемы формирования лингвокультурной компетенции:
сборник научных статей. Герценовские чтения – 2016.
Выпуск 3. Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб. – 120 с.

В третьем выпуске научного сборника «Проблемы формирования лингвокультурной компетенции» представлены научные статьи, написанные преподавателями кафедры русского языка совместно со студентами и аспирантами. Тексты отражают результаты научно-исследовательской деятельности кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
Сборник адресован лингвистам, филологам, студентам-гуманитариям.

ISBN 978-5-9906680-4-1

**Смысловая трансформация традиционного понимания
взаимоотношений «человек – кукла, а Бог – кукловод»
в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки»**

Аннотация

В статье рассматривается интерпретация традиционного понимания взаимоотношений «человек – кукла, а Бог – кукловод». Автор романа создает амбивалентные отношения иного рода: «Кукловод – псевдотворец человека-куклы и куклы-человека».

Ключевые слова: метафора, кукла, кукловод.

Abstract

The article deals with the interpretation of the traditional conception of the relationship «man as a puppet and the God as a puppeteer». The author of the novel produces ambivalent relations of another kind: «The puppeteer is a pseudo-creator of the puppet-man and the man-puppet».

Key words: metaphor, puppet, puppeteer.

Роман Д. Рубиной «Синдром Петрушки» занимает особое место в творчестве писателя, так как подводит итог задуманной автором трилогии «Люди воздуха», рассказывающей о трагическом существовании людей искусства на границе двух миров: реального и ирреального (творческого). Взаимодействие реального и ирреального мира в романе связано с взаимоотношениями кукловода и куклы.

Следуя постмодернистской эстетике, Д. И. Рубина вступает в сложную семантическую игру с читателем, используя полисемию заглавия романа, разрушение текстовой континуальности, включение большого количества разнородных интертекстуальных вставок, создание художественной вариации на константную поликультурную тему о театральности мира и

реализацию положенной в основу произведения метафоры «Человек – игрушка (кукла) в руках Бога».

Центральная в романе метафора «Жизнь – это театр кукол», уже отмеченная исследователями [Несынова 2015, Пановица 2013], является трансформацией культурной константы «Весь мир – театр» [Степанов 2001], что позволяет говорить о созданной писателем художественной вариации на константную поликультурную тему.

Первым *сигналом* воплощения авторского замысла служит эпиграф к роману, взятый из сочинения «Псевдоклементин» (II век н. э.), в котором, с одной стороны, звучит мотив состязания человека с Богом (верховным существом, сотворившим мир и управляющим им [МАС]), где бóльшим могуществом обладает первый, а с другой - обозначается тема подчинения чужой души [Прохорова 2015: 121]. Именно с эпиграфа начинается формирование того литературного контекста, в котором находит художественное отражение *сюжет о Кукольнике и его Главной кукле* [Борщевская 2011: 20], где под номинацией *Кукольник* имеется в виду не Бог – Творец всего сущего на Земле, а сам Петр Уксусов – главный герой романа, существующий в воображаемой им кукольной империи: «*В своей империи он [Петр] был могуществен и абсолютно счастлив. Самый счастливый властелин самой счастливой из всех когда-либо существовавших на свете империй*».

Реальный мир воспринимается героем сквозь призму его кукольного сознания, в котором люди делятся на четыре типа: кукол (бездушных или безвольных), кукольников (способных оживлять неживое), *кукольных* (увлекающихся кукольным мастерством, коллекционеров) и живых (не способных существовать в кукольной реальности) людей [Прохорова 2015: 121]. Создатель всего живого осмысливается Петром как невидимый кукловод (тот, кто руководит чьими-либо действиями [Ефремова 2000]) по отношению к человеку, обнаруживающему свою марионеточную природу: «... стояла на подоконнике *живая кукла* <...> ... *Петя ее увидел, кукла*

*сделала странное движение – рывок вверх! – словно сама себя вздергивала в небо. Но полетела-то она вниз, громко, как деревянная, ударившись о мостовую. <...> ...кукла – она оказалась миниатюрной женщиной – лежала на бульжной мостовой, и голубая сорочка так воздушно обволакивала ее хрупкое **изломанное** тело... <...> на какое-то мгновение [Петя] был уверен, что видел **нити, шедшие от куклы. Что невидимый кукловод самую краткую долю секунды не мог решить – то ли воздеть ее к небу, обратив в ангела, то ли сбросить вниз, пусть ломается...».***

Показательно, что в романе Д. Рубиной характеристики живого существа оказываются присущи мертвому, в то время как реальный человек изображается в сознании ребенка как *деревянная кукла с изломанным телом*. Ситуация идентификации куклы с человеком и распознавания живого в нем только в тот момент, когда существо стало мертвым (женщина умерла), демонстрирует алогичность изображаемого, в котором реальное и театрализованное ирреальное пронизывают друг друга, образуя единую художественную картину двоемирия.

Трансформация традиционного метафорического представления о кукловоде и кукле связана с появлением другого претендента на главную роль, ощущающего себя Творцом внутри собственного мира, способным не только к созданию новых существ, но и к их оживлению. С одной стороны, Петр изображен в романе Д. Рубиной реальным кукольным, изобретающим новых театральных героев и обладающим способностью к чревоуещанию, но с другой – его мастерство все время сравнивается с магическим и колдовским ремеслом, что выводит художественный план повествования на более высокий (экзистенциальный) уровень, где реализуется оппозиция божественного и дьявольского начал в человеке.

Главный герой выходит за рамки кукольного мира и встает на позицию псевдотворца, пытаясь сначала превратить живого человека (свою жену Лизу) в куклу, а затем, испытав неудачу, создать куклу (Эллис) по образу и подобию этого человека. Важно отметить, что процесс *окукливания* Лизы

(попытка превращения человека в марионетку), предшествовавший созданию ее кукольной копии, отражает идею, заявленную автором в эпиграфе: кукольник создает свое творение, превосходящее *изделие Создателя*, и магическим образом добывает для него душу (в контексте романа – практически отбирая душу у живого существа (Лизы)): «– *Боря, тебе тоже нравится это чудесное раздвоение? – А знаешь...<...>...я чувствую, что [Петр] он позаимствовал для нее [Эллис] не только мою внешность, но и кое-что поважнее. <...> – Душу...»*

Лиза с раннего детства, с первой встречи, воспринимается Петром как живая кукла в силу своей удивительной красоты, миниатюрности и внешней хрупкости: «*На пороге <...> стоял Петя, держа в охапке годовалого младенца – девочку с кудряшками цвета красного золота. <...>. Она настоящая! И теперь будет моя! <...> ...она будет моей главной куклой*». По отношению к Лизе герой выступает новым создателем – ее *стражем*, наставником и учителем, оберегавшим свою *главную куклу* и боявшимся обнаружить в ней живого человека.

Результатом попытки подчинения человека и превращения его в куклу оказывается бунт живого существа, изображенный автором как вариация театрального сюжета, демонстрирующего «бунт куклы» – отказ от подчинения кукловоду [Несынова 2015: 77]: «*И будь ты [Петр] проклят со всем своим балаганом! <...> Довольно, я [Лиза] полжизни провела за ширмой кукольника. <...> Я теперь внутренне свободна... Я уже не марионетка...»*.

Именно бунт живой куклы Лизы, проявившийся в уничтожении своего двойника (куклы Эллис), и *реабилитация* собственной личности, возвращают героев к реальной жизни в человеческом мире, снимая с них театральные маски куклы и кукловода.

Итак, в романе «Синдром Петрушки» Д. Рубина трансформирует традиционное понимание взаимоотношений «человек – кукла, а Бог – кукловод», создавая принципиально иные троякие амбивалентные

отношения: «Псевдотворец-кукловод, способный к оживлению новых существ в собственном мире, человек-кукла, перестающий быть самодостаточной личностью, и кукла-человек, созданная по образу и подобию этого человека».

Литература

Борщевская М. Ю. Разве кукла виновата?: мотив куклы у Гофмана и Дины Рубиной // Литература - Первое сентября. – 2011. – № 17. – С. 20 – 23.

Несынова Ю. В. Мотив кукольности в романах Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Филологический класс. – 2015. – № 2. – С. 75 – 81.

Пановица В. Ю. Метафорическая модель «Жизнь – это театр кукол» в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестн. науки Сибири. – 2013. – № 1 (7). – С. 258 – 262.

Прохорова Т. Г. Формы проявления театральности в организации системы образов романа Д. Рубиной «Синдром Петрушки» / Т. Г. Прохорова, Р. Р. Фаттахова // Казан. социал.-гуманит. вестн. – 2015. – 1(14). – С. 119 – 127.

Словари

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 989 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. Т. 1: А – О. – М: Рус. яз., 2000. – 1210 с.

Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. *А. П. Евгеньевой*. Т. 2. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – 736 с. (МАС)

Источник

Рубина Д. И. Синдром Петрушки / Дина Рубина. – М.: Эксмо, 2014. – 512 с.

К вопросу о динамике прагматикона: прецедентные феномены в ассоциативном поле лексемы «звезда»

Аннотация

Статья посвящена проблеме динамики ассоциативного поля лексемы «звезда». В работе очерчивается круг прецедентных текстов, актуальных для усредненных носителей языка в 90-е годы и в наши дни.

Ключевые слова: ассоциативное поле, прецедентный текст, прецедентный феномен, прецедентное высказывание, интертекстема.

Abstract

The article deals with the dynamics of the associative field of lexeme "star". The paper outlines the precedent texts relevant to the speakers averaged in the 90s and nowadays.

Keywords: associative field, precedent text, precedent phenomenon, precedent utterance , intertextema.

В последние годы в лингвистике возрастает роль ассоциативных словарей в связи с особым вниманием к человеческому фактору в языке [Козырев, Черняк 2015: 196]. В 1994 г. была опубликована первая часть «Русского ассоциативного словаря» (РАС), созданного коллективом ведущих отечественных психолингвистов. В данном словаре «словарная статья представляет собой ассоциативное поле связанных со стимулом слов, причем разнообразие возможных связей столь велико, что охватывает все формальные и содержательные характеристики попарно связанных слов – стимула и ответа на него» [Караулов 1994: 192]. Этот словарь, репрезентирующий ассоциативно-вербальную сеть носителя русского языка, создан как результат обработки материалов массового эксперимента, проведенного в период с октября 1988 г. до мая 1990 г. Участниками эксперимента были, в основном, студенты первых - третьих курсов различных вузов (в возрасте 17–25 лет), для которых русский язык является родным. Авторы словаря подчеркивают, что этот выбор являлся осознанным,

поскольку именно эти люди должны были определять духовную и материальную жизнь нашего общества на последующие 20–30 лет.

Прошло больше двадцати лет со времени проведения эксперимента. Значительно ли изменилось языковое сознание за этот период? Рассмотрим динамику ассоциативного поля лексемы *звезда*.

В «Русском ассоциативном словаре» словарная статья к слову «звезда» выглядит следующим образом:

ЗВЕЗДА: *небо 38*; пленительного счастья **37**; яркая **30**; счастья **21**; упала **20**; эстрады **16**; далекая, ночь **15**; горит **14**; любви, на небе **11**; *красная, моя, Солнце 10*; Востока, падает, *свет 8*; *планета 7*; голубая, Луна, *мечта 5*; в небе, путеводная, с неба **4**; балета, в ночи, *высокая*, героя, *гореть*, и смерть, одинокая, падучая, Пугачева, пятиконечная, светит, Сириус, *счастье*, Хоакина Мурьеты, экрана **3**; *блеск*, в окне, *далеко*, дальняя, заветная, загадочная, *кино*, красивая, Кремль, Кэц, Мадонна, *месяц*, надежды, падающая, погасла, по имени Солнце, Полярная, *рок*, *светить*, сияет, *созвездие*, счастливая, футбола, холодная **2**; Аврора, Алла Пугачева, артист, Артур, астрономическая; Ахернар, *беда*, Бетельгейзе, блестит, блестящая, *большая*, взошла, видеоклип, во лбу, восходит, *Гагарин*, *где*, генеральская, герба, *герой*, *горячо*, *да*, *далекий*, *дорога*, его жизни, желаний, жизни, *жизнь*, *загадка*, *закат*, *звезда*, знаменитость, зовет, кабачок, киноэкрана, *коза*, комета, кордебалета, космос, крамольный, кремлевская, крокет, *лампочка*, Ленинград, *лето*, лира, *любимая*, *любовь*, Малая Медведица, Марс, Меркурий, место на небосклоне, Мефистофеля, мечты, Млечный Путь, много звезд, моего счастья, на груди, *надежда*, на небосклоне; на ночном небе, крупная и близкая; на пилотке, нарисованный, на спине, на утреннем небе, небесное тело, небосклона, *никогда*, ночная, ночное небо, *огонь*, огромная, *одна*; одна взошла, чтобы светить всегда; *отшельник*, *падать*, падающий, *падение*, пламенная, платан, пленительная, *подарить*, полярный, притухшая, *пуговица*, путеводный, *путь*, пятиконечный знак, рождается, рока, рыбака, сверкает, светило, светиться, светлая, свободы, синяя, сияла, сияние,

сияющая, сказка, *смерть, списать*, спорта, *спутник, столб*, сцены, тайна, туман, туманность, угасла, угловатая, удачи, упала и растаяла, упала с неба, упало, Урала, утренняя, *утро, фантастика, флаг, форма, холодно*, четырехугольная, шестиконечная, шиза, это твоя звезда, *ягода*, ясная, stella **1**;
542+193+3+130

Нами в апреле – мае 2016 года был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 229 студентов дневного отделения как гуманитарных, так и естественнонаучных и технических факультетов РГПУ имени А. И. Герцена. Реакции участников эксперимента были обработаны и структурированы таким же образом, как это сделано в «Русском ассоциативном словаре»:

ЗВЕЗДА: небо **43**; Солнце **24**; космос **23**; по имени Солнце **9**; яркая **5**; елка, красная, ночь, Полярная, свет, сцена, удача **4**; небесное тело, ночное небо, эстрада, яркость **3**; герой, далеко, желтый, красивая звезда на небе, Кремль, морская, планета, пленительного счастья, Сириус, телевизор **2**; Анна Герман, астрономия, Басков, белый, блеск, божия, верхушка елки, В. Маяковский, в небе, в небе горят ночью, в небе сияет, В. Цой, Виктор Цой (песня), война, в петлице, вселенная, вспышка, выпускной, голос дети, желание, желтый цвет, загадывать желание, звезда горит, звездное небо, звезда экрана, знаменитость, звезда Давида, известный человек, изображение, космическое тело, красивая, красный, красная звезда Спасской башни, кокарда, кремлевская красная звезда, коммунизм, Луна, мазь, молодость, море, награда, на небе горит, небесное светило, небесное тело, небо (космос), Новый год, огонь, пафос, Плачеда, погоны, поезда, расстояния, Рубцов «Звезда полей», светящаяся точка, светящаяся точка в небе, сияние, СССР, стихи от друга, флаг, Цой, чистое ночное небо, шоу-бизнес, шоу-бизнеса **1**;
229+91+0+65

Хотя количество опрошенных в эксперименте этого года значительно меньше, все-таки полученные данные достаточно репрезентативны и позволяют проследить динамику ассоциативного поля на прагматическом

уровне языковой личности. Ассоциации, так или иначе отражающие прецедентные феномены, демонстрируют культурный багаж усредненного носителя языка.

В статье «Русского ассоциативного словаря» наиболее актуальной интертекстемой является прецедентное высказывание «звезда пленительного счастья»: 37 реакций *пленительного счастья* и единичная реакция *пленительная*. На первый взгляд, это прямая цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву» 1818 года, которое заканчивается следующими словами:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Однако, скорее всего, в большинстве случаев реакция связана не непосредственно со стихотворением, а с названием снятого в 1975 году фильма режиссера Владимира Мотыля «Звезда пленительного счастья» о судьбе декабристов и их жен. Такая опосредованность освоения пушкинских интертекстом достаточно типична [Сидоренко 2000]. Характерно, что в эксперименте 2016 года мы обнаруживаем 2 реакции *пленительного счастья*: актуальность пушкинского текста вряд ли снизилась, а вот популярность фильма фактически сошла на нет.

Обратную ситуацию наблюдаем в связи с прецедентным высказыванием «звезда по имени Солнце». Данная интертекстема соотносится с песней лидера группы «Кино» Виктора Цоя «Звезда по имени Солнце» из одноименного альбома 1989 года:

Белый снег, серый лед
На растрескавшейся земле.
Одеялом лоскутным на ней
Город в дорожной петле.

А над городом плывут облака,
Закрывая небесный свет.
А над городом – желтый дым.
Городу две тысячи лет,
Прожитых под светом звезды
По имени Солнце.

Популярности песне прибавило и то, что она прозвучала в фильме «Игла», премьера которого состоялась 16 сентября 1988 года в Алма-Ате и в феврале 1989 года в Москве.

Даже если учитывать только очевидные случаи, в эксперименте 2016 года обнаруживаем 12 реакций, связанных с данной интертекстемой: *по имени Солнце* (9), *В. Цой* (1), *Виктор Цой (песня)* (1), *Цой* (1). В статье «Русского ассоциативного словаря» таких реакций значительно меньше: *по имени Солнце* (2). Однако, учитывая, что эксперимент проводился с октября 1988 г. до мая 1990 г., мы должны отметить, что появление этих двух реакций на песню, которая на момент окончания эксперимента звучала лишь год, говорит о том, что мы имеем дело со значимым социальным явлением, и результаты анализа материалов 2016 г. это подтверждают: хотя с момента смерти Виктора Цоя (1990 г.) прошло больше 25 лет, популярность его песен лишь увеличивается.

Еще один прецедентный текст, реакции на который, пусть и не столь очевидные, есть в материалах и того, и другого эксперимента, – это очень популярная в советское время песня «Надежда», написанная в 1971 году композитором Александрой Пахмутовой и поэтом Николаем Добронравовым. В словарной статье «Русского ассоциативного словаря» с этим прецедентным текстом, скорее всего, соотносится единичная реакция *надежда*, а в материалах 2016 года – также единичная опосредованная реакция *Анна Герман*. Хотя Анна Герман не была первой и единственной исполнительницей данной песни, ее исполнение стало наиболее популярным.

Остальные реакции, связанные с интертекстами, не совпадают в материалах двух экспериментов. В «Русском ассоциативном словаре» к таким примерам относятся реакции *и смерть; Хоакина Мурьеты; смерть; Мефистофеля; одна вошла, чтобы светить всегда; Кэц; рыбака; синяя.*

Реакции *звезда – и смерть (3), Хоакина Мурьеты(3), смерть (1)* соотносятся с широкоформатным художественным фильмом «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», снятом в 1982 году по мотивам одноименной рок-оперы, первая постановка которой состоялась в 1976 году на сцене театра «Ленком». Рок-опера же, в свою очередь, была создана на основе драматической кантаты чилийского поэта Пабло Неруды «Сияние и смерть Хоакина Мурьеты, чилийского разбойника, подло убитого в Калифорнии 23 июля 1853 года».

Реакция *звезда – Мефистофеля*, скорее всего, намекает на прецедентную ситуацию из «Фауста» Гете (1808): пентаграмма – звездообразный знак с пятью углами – мешает Мефистофелю свободно уйти:

Мефистофель

<...>Теперь могу ль я удалиться?

Фауст

К чему такой вопрос? Иди.

Твое знакомство пригодится:

Когда захочешь, приходи.

Не хочешь ли в окно — открытая дорога!

Не то – в трубу ступай; не заперта и дверь.

Мефистофель

Нет, трудновато выйти мне теперь.

Тут кое-что мешает мне немного:

Волшебный знак у вашего порога.

Фауст

Так пентаграмма этому виной?

Но как же, бес, пробрался ты за мной?

Каким путем впросак попался?

Мефистофель

Изволили ее вы плохо начертить,
И промежуток в уголку остался,
Там, у дверей, – и я свободно мог вскочить

(И. В. Гете «Фауст», пер. с нем. Н. Холодковского)

Ассоциация *одна вошла, чтобы светить всегда*, несмотря на не совсем точное цитирование, связана с известной песней советского автора – исполнителя песен Юрия Визбора «Ты у меня одна»:

В инее провода,
В сумерках города.
Вот и вошла звезда,
Чтобы светить всегда...

Что же касается единичной ассоциации *звезда – Кэц*, то она связана с фантастическим романом советского писателя Александра Беляева «Звезда КЭЦ». Роман был напечатан в 1936 году в журнале «Вокруг света». Это одно из первых произведений советской фантастики об освоении космоса.

Единичная реакция *рыбака*, вероятнее всего, связана с песней «Звезда рыбака» (муз. А. Н. Пахмутовой, сл. С. Т. Гребенникова и Н. Н. Добронравова), которую исполнял Муслим Магомаев:

Дальних причалов чужие огни,
Ищут кого-то лучи маяка...
Соленые волны, соленые дни,
А в небе горит, горит, горит звезда рыбака.

Единичная ассоциация *звезда – синяя*, очевидно, навеяна рассказом А. И. Куприна «Синяя звезда» (1927).

Что касается материалов эксперимента 2016 года, то здесь с интертекстемами связаны единичные реакции *В. Маяковский* и *Рубцов* «Звезда полей». Ассоциация звезда – Рубцов «Звезда полей» - соотносится с названием стихотворения советского поэта Николая Рубцова (1936–1971) «Звезда полей» (1964):

Звезда полей, во мгле заледенелой
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Реакция В. Маяковский с большой долей вероятности связана со стихотворением Владимира Маяковского «Послушайте!» (1914 г.), которое входит в школьную программу по литературе:

Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Как видим, в основном, источниками интертекстем становятся тексты массовой культуры, а не программной литературы. Даже прецедентные высказывания, так или иначе восходящие к классике, могут входить в массовое сознание посредством текстов массовой культуры (фильмов, спектаклей и т.п.). Динамику прагматикона определяют не столько идеологические ориентиры, что могло довольно ярко проявиться, но не проявилось именно на примере ассоциативного поля *звезда*, сколько модные тенденции в социуме, причем смена прецедентных текстов, характеризующих прагматикон усредненного носителя языка, происходит с некоторым запозданием, доказательством чего служат ассоциации, связанные с текстами советской эпохи, возникающие даже в материалах эксперимента 2016 года.

Литература

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Книга 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч.1 / *Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова.* – М.: Помовский и партнеры, 1994. – С. 191 – 218.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. – 2-е изд., испр. доп. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. – 631 с.

Сидоренко К. П. Интертекстовые единицы в ассоциативных реакциях // *Язык. Функции. Жизнь: Сборник статей в честь профессора Александра Владимировича Бондарко.* Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб., 2000. – С. 131–133.

Русский ассоциативный словарь. Книга 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч.1 / *Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова.* – М.: Помовский и партнеры, 1994.

Интенция намерения в аспектуальной семантике русских глаголов

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ 15-04-00318

Аннотация

Статья посвящена особенностям функционирования глаголов с семантикой намерения в современном русском языке. Авторы рассматривают лексикографическую интерпретацию видового противопоставления и его реализации в конативном контексте.

Ключевые слова: аспектология, лексикография, грамматическая семантика, видовой контраст.

Abstract

The article deals with the peculiarities of the functioning of verbs with the semantics of the intentions in the modern Russian language. The authors research the lexicographical interpretation species opposition and its implementation in the context of attempt.

Keywords: aspectology, lexicography, grammatical semantics, contrast verbal aspects

Богатство русского языка заключается не только в огромном запасе лексем (словаре) и не менее внушительном наборе грамматических конструкций (грамматиконе), но и в потенциале сочетаемости лексических и грамматических значений, что позволяет выразить тонкие семантические, стилистические и прагматические различия. Одной из специфических черт русского языка является своеобразие в способах выражений аспектуальных значений. Связь грамматического значения вида с лексическим неоднократно становилась предметом внимания лингвистов (см. [Авилова 1976; Апресян 1995; Бондарко 1971; Зализняк, Шмелев 2000; Маслов 2004]).

В задачи настоящей статьи входит: 1) рассмотреть видовой контраст грамматических форм глаголов с семантикой намерения; 2) определить возможность глаголов реализовать семантику намерения в конструкциях ‘попытка – неудача’; ‘попытка – успех’; 3) обнаружить прагматические имплицитные компоненты содержания высказывания.

В русском языке выделяется группа глаголов с семантикой намерения, которую можно представить как ‘намереваться выполнять / выполнить действие’. К числу таких слов относится группа, представляющая различные смысловые варианты ментального действия замысла. Такие глаголы мы называем **интенционными**.

В полной мере анализируемая семантика реализуется в глаголе «намереваться». Семантику замысла отражают глаголы: *вздумать, готовиться (подготовиться / приготовить), заблагорассудиться, задумать (задумывать), замышлять (замыслить), норовить, решить, решиться, собираться, удумывать (удумать), хотеть (захотеть)*. К этому ряду можно еще добавить просторечный глагол *намыливаться* и устаревший *злоумышлять* [Кожевников 2009; Словарь-тезаурус 2007].

Для описания особенностей функционирования интенционных глаголов мы обратились к аспектуальной семантике. Употребление глагольных форм в определенных частновидовых значениях позволяет выявить национальную специфику процессуальной семантики – ‘намерение совершить действие’.

В условиях видового контраста глаголы обнаруживают способность или неспособность реализовать аспектуально значимые семантические признаки. Для изучения особенностей функционирования глаголов необходимо обратиться к понятию частных видовых значений. Под частным видовым значением вслед за А. В. Бондарко мы понимаем «регулярно повторяющийся тип употребления вида, представляющего собой конкретную реализацию видового семантического потенциала» [Бондарко 1971: 21]. Это определение вызывает вопросы: какова регулярность воспроизведения интересующего нас видового значения и при каких условиях мы можем считать, что оно реализовано. Не имея возможности в рамках данного исследования изучить все случаи, мы остановимся лишь на одном из них – ситуации видового контраста в конструкциях типа: «учил, да не выучил», *«говорил, да не сказал», а также «учил, учил и наконец выучил», *«говорил, говорил, да наконец сказал». Как видим из приведенных прототипических

контекстов, не все глаголы способны употребляться в подобных грамматических конструкциях и тем самым реализовать конативную семантику.

Выразить семантику процесса, который может завершиться как неудачей, так и планируемым результатом, способны лишь определенные типы грамматических конструкций.

В статье «Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке», опубликованной в 1948 г., Ю. С. Маслов указал на особенность поведения отдельных лексико-семантических групп глаголов в контексте, имплицитно намеренном «противоположение ‘тенденция, попытка – успех, осуществление’ не может проявляться в таких, например, парах, как *видеть / увидеть, благодарить / поблагодарить, являться / явиться*. По образцу сочетаний *ловил, да не поймал; ловил и наконец поймал; ловил, пока не поймал* нельзя сказать – по крайней мере, без введения дополнительных элементов – **видел, да не увидел; *благодарил, да не поблагодарил; *являлся, да не явился (как невозможны и *видел и наконец увидел; *благодарил и наконец поблагодарил; *благодарил, пока не поблагодарил)*» [Маслов 2004: 73].

Особенность этой конструкции состоит в том, что в ней максимально проявляются некоторые видовые значения (это делает ее практически значимой, в том числе и для преподавания русского языка как иностранного). Так, у глаголов НСВ здесь могут быть предельно выражены процессность либо повторяемость действия. Можно сказать, что видовой контраст есть минимальный контекст, способствующий актуализации процессности. Так, если глагол *говорил* может означать либо одноактное, либо длящееся действие, то во фразе *он говорил, но ничего не сказал* значение одноактности исключается, иначе фраза не имела бы смысла. Основное, конкретно-процессное, видовое значение здесь усиливается, и за счет этого формируется семантика конативности.

А. В. Бондарко так интерпретирует конативный контекст: «Конкретный процесс в этом случае представлен как стремление, направленное на достижение цели, как попытка. Последующий контекст указывает на успех или безуспешность этой попытки» [Бондарко 1971: 27]. М. Г. Милютин отмечает

особенность конативных конструкций: «Наличие таких семантических отношений возможно только в специфических высказывания с двухступенчатой структурой, которая соединяет в смысловом отношении два взаимосвязанных этапа действия: 1) попытку, тенденцию его осуществления; 2) исход, результат этой попытки, – в связи с чем конативные ситуации относятся также к аспектуально-таксисным» [Милютина 1998: 316].

Конкретно-процессное значение, разновидностью которого является конативное, не может быть присуще лишь многократным глаголам (*бывать, сиживать*), глаголам прерывисто-смягчительного способа действия (*поколачивать, почитывать*), и глаголы «данности» отношения, типа *иметь, преобладать, содержать, соответствовать* [Бондарко, 1971: 27]. Однако, если А. В. Бондарко оговаривает, что глаголы ненаправленного или, в другой терминологии – разнонаправленного действия совместимы с конкретно-процессным значением, то их совместимость с конативной разновидностью этого значения вызывает сомнения. Сочетание типа «*он летал, летал, да так никуда и не прилетел*» кажется алогичным, так как глагол «*летать*» – глагол разнонаправленного движения, не подразумевающий наличие конечной цели. Однако, это противоречие можно снять, во-первых, за счет употребления во втором случае глагола СВ с иным лексическим значением, во-вторых, за счет создания пояснительного контекста. Например: «*Он летал к ней каждый день, но так ничего и не добился*». Благодаря контексту здесь возникает семантика конативности, но это уже иной случай. Что касается грамматических значений глаголов, которые могут сопутствовать семантике конативности, то это могут быть значения изъявительного и повелительного наклонений: *Делай, да не сделаешь!*; инфинитивная семантика: *Ну как можно, столько разузнавать и так и не разузнать!*, деепричастие: *Изучая эту тему уже десять лет, он так и не изучил ее целиком*).

В конативной конструкции «НСВ, да не СВ» конкретно-процессному значению НСВ противостоит конкретно-фактическое значение совершенного. На

общем фоне временной локализованности здесь противостоят друг другу развивающийся процесс и целостный факт.

Возможность глагола включиться в грамматическую конструкцию свидетельствует о лексико-грамматической координации семантики, и, наоборот, невозможность использовать глагол в определенном контексте является знаком противопоставления и взаимоотторжения лексической и грамматической семантики.

Конативные контексты «НСВ, да не СВ» и «НСВ, НСВ и наконец СВ» становятся смысловозначительным для возможности вольно или невольно отказаться от замысла.

Каузативный характер глаголов намерения предполагает, что после глагола намерения используется инфинитив, называющий действие, которое намеревается совершить субъект ситуации. Например:

*Доктор вполне серьезно **намеревался** составить конкуренцию IBM.*

(Л. Черняк. Три ошибки Доктора)

*Депутаты **намереваются** рассмотреть его уже во время весенней сессии, чтобы он успел вступить в силу к моменту начала летних отпусков.*

(О. Лиханова. На все четыре стороны)

Показательно, что из всего ряда глаголов намерения только два: *собираться – собраться* и *готовиться – подготовиться / приготовить*) могут функционировать в конативных конструкциях:

Сергей собирался посетить Эрмитаж, да так и не собрался.

Евгений готовился поехать в отпуск, да не приготовился.

В подобных высказываниях проявляется значение 'нереализованность замысла'. Создание замысла мыслится как длительный процесс, который может и не достичь своего предела.

Другой тип контекста способствует выражению семантики завершенного и реализованного замысла:

Владимир собирался, собирался написать письмо и наконец собрался.

Виталий долго готовился поступить в университет и наконец приготовился.

Глаголы совершенного вида обозначают начало осуществления задуманного – завершенность ментального процесса становится моментом, актуализированным с помощью видового контраста.

Большинство интенционных глаголов: *намереваться, вздумать, заблагорассудиться, задумать (задумывать), замышлять (замыслить), норовить, решить, решиться (решаться), удумывать (удумать), хотеть (захотеть), намыливаться* и устаревший *злоумышлять* – не способны употребляться в конативных конструкциях и реализовать противопоставление процесса результату ментального действия.

Ср. невозможность в русском языке конструкций:

**Замышлял, да не замыслил; замышлял и наконец замыслил;*

**Хотел, да не захотел; хотел, хотел и наконец захотел.*

Особенности реализации намерения в русском языке раскрываются с помощью функционального анализа аспектуальной семантики и способов ее выражения в разных типах контекстов.

Литература

Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. - М., 1971. С. 21.

Зализняк А. А. , Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.

Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.

Милютин М. Г. К вопросу о классификации конативных аспектуальных ситуаций нестандартного типа в современном русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения: (Материалы Международной научной конференции, 16-19 сентября 1997 г., МГУ им. М. В. Ломоносова.) / Отв. ред. М. Ю. Черткова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.– С. 315-320.

Словари

Кожевников А. Ю. Словарь синонимов русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 800 с.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 512 с.

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. / Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 709 с.

**Актуальные англицизмы
в лексиконе современного модельного бизнеса**

Аннотация:

В статье содержится анализ актуальных англицизмов из сферы модельного бизнеса с точки зрения их необходимости и укоренения в русском языке или же перспективы вытеснения исконно русскими словами. Особое внимание уделяется особенностям функционирования русскоязычных аналогов рассматриваемых заимствований.

Ключевые слова:

язык-донор, язык-реципиент, англицизм, лексикон модельного бизнеса

The article contains an analysis of topical anglicisms from the model business sphere in terms of their necessity and prospects of rooting in Russian language or being superseded by primordial Russian words. Particular attention is paid to peculiarities of functioning of archetypal Russian analogues of English loan-words.

Key-words: source-language, recipient-language, anglicism, model business lexicon

Факт проникновения в русский язык множества заимствований, как известно, преимущественно из английского языка, практически не нуждается в доказательствах. Живым свидетельством большого притока англицизмов являются обновленные словари таких слов, причем иногда с названиями, подчеркивающими особую актуальность этого пласта лексики [Шагалова 2011].

Цель статьи – проанализировать несколько сравнительно новых англицизмов в лексиконе модельного бизнеса с точки зрения их необходимости и укоренения в русском или же возможности вытеснения их исконно русскими словами.

Для того чтобы перейти непосредственно к анализу заимствований, следует назвать общие причины заимствования англицизмов.

Существуют две основные причины, упоминающиеся во всех работах, касающихся причин заимствования чужих слов, – необходимость и престиж.

Предлагаемые исследователями уточнения, в частности перечисленные в работе А.И. Дьякова [Дьяков 2003, 35-43], таковы:

1. Отсутствие понятия в языке и потому отсутствие названия для него.
2. Отсутствие более точного названия (или своеобразная «неуместность» использования существующего наименования) в языке, включая такие причины, как легкость произношения, краткость иноязычных вариантов и т. д.
3. Необходимость создания стилистического эффекта; выражения позитивных или негативных оценок англицизмами.

Нами были проанализированы следующие слова

1. байер
2. лук / модный лук
3. покеты
4. тренд / модный тренд
5. шоурум
6. снепы

СНЭПЫ / СНЭПШОТЫ

Слово *snap*, чаще используемое в английском языке в словосочетании *model snapshots*, – самое новое в данной группе. Оно появилось благодаря контаминации *snap* – 1) щелканье (пальцами, кнутом); ...5) делать моментальные снимки + *shot* – 1)выстрел; ...8) фотоснимок [Аракин, Выгодская, Ильина 1990].

Дословно это можно перевести как мгновенный снимок, однако *snapshots* является специальным модельным термином. Он используется исключительно в форме множественного числа и означает набор модельных снимков, сделанный по определенным правилам и стандарту: модель должна быть на каблуках, в нижнем белье или купальнике нейтрального цвета, с распущенными волосами и без косметики. Обычно такие снимки рассылают по модельным агентствам в качестве резюме.

ПОКЕТЫ

Покеты – широко используемый термин в сфере моды, обозначающий деньги, выдающиеся модели на недельные расходы во время рабочих модельных поездок. Происходит от английского словосочетания *rocket money*, что переводится как карманные деньги:

Pocket-money [pɒkɪtmʌni] – карманные деньги [Аракин, Выгодская, Ильина 1990].

Своего значения слово не потеряло, однако оно не было полностью «взято» в русский язык. Вторая часть словосочетания отпала, а первая стала склоняться по нормам языка-реципиента: *покеты*, *покетов*, и т. д. У данного слова также есть русскоязычный, но не однословный аналог (карманные деньги), однако в модельной среде он не используется вообще, так как «карманные деньги» в русском языке не связаны конкретно со сферой моды и является широко употребительным словосочетанием.

ШОУ-РУМ и ШОУРУМ*, а, м.

Помещение постоянно функционирующей выставки-продажи товаров той или иной фирмы, торгового предприятия или временная выставка-продажа, участниками которой является ряд фирм обычно одного профиля ...на шоу-руме были байеры из мультибрендовых бутиков, продающих западную дизайнерскую одежду. Есть надежда, что к осени некоторые из коллекций появятся в магазинах и на улицах). Кризис научил компании экономить. И теперь автосалоны превратились в довольно протокольное мероприятие, формальное, как обязательный отчет о проделанной работе. Большой универсальный шоурум для клиентов с переносом готовых декораций из одной мировой столицы в другую (Газета.ру 30.09.10).

* англ. *showroom* < *show* ‘показ, демонстрация; выставка’ + *room* ‘комната’ [Шагалова 2011].

Showroom в современном своем значении используется не так давно. Буквально его можно перевести как «демонстрационная комната». Изначально англицизм встречался в русском языке в значении «помещение при любом магазине для демонстрации товаров»:

В 2007 году в Москве был открыт еще один шоурум Lamborghini.

(«Многие наши клиенты покупают и Ferrari, и Lamborghini» // РБК Daily, 2007.05.16»)

Затем заимствование стало появляться в газетах, подразумевая демонстрационную комнату при бутике или магазине одежды:

Также Смит заплатила: \$11000 за приватный ужин с актером Кевином Спейси, \$32,500 за «торжественный завтрак» на 6 персон, приготовленный звездой телеканала Food Network Иной Гармен в ее «амбаре» в East Hampton, NY, \$10,000 за тур по шоурум дизайнера Ralph Lauren (Юлия Алехина. Пенсионерку, укравшую \$10 млн, приговорили к 6,5 годам тюрьмы // Комсомольская правда, 2012.06.22).

Сейчас же, в основном из-за большей престижности слова, его используют как название целого дизайнерского магазина, а не отдельной демонстрационной комнаты (в сети по запросу «шоурум» в поисковой системе Google было показано около 560 тысяч результатов):

Первый в Петербурге проект, включающий в себя 50 шоурумов отечественных дизайнеров, расположившийся на 800 кв. м. (Реклама галереи российских дизайнеров ЛугLook, 2016).

БАЙЕР

В англо-русском словаре 1990 года это английское слово переводится так: *buyer* [ba ɪə] *n* покупатель [Аракин, Выгодская, Ильина 1990].

В русский язык оно пришло, не изменив свой облик (т. е. путем транслитерации), однако в сфере моды это заимствованное слово подразумевает не только покупателя. Он обозначает профессию, человека, который решает, что будет представлено в магазинах одежды в каждом

сезоне, а также отвечающего за закупку и ассортимент. *Байер* должен быть экспертом в своей области, т. к. именно от него зависит дальнейший спрос на коллекции и товары. Данный англицизм употребляется редко, так как является специальным модным термином, хотя и встречается в газетных текстах:

«Продажи модных ювелирных изделий выросли за последние 12 месяцев на 300%», — подтверждает байер Net-a-Porter Саша Соркин (Юлия Калачихина. Чем живет luxury-рынок // РБК Дейли, 2013.12.25).

Однако и у него есть аналог, хоть и не однословный: *модный закупщик*. Этот русскоязычный аналог практически не используется, так как не передает суть профессии *байера* и не обладает таким уровнем престижности, как вышепредставленный англицизм.

Таким образом, несмотря на отсутствие в русском языке как реципиенте своих слов для обозначения данных явлений и активное их использование в сфере моды, *покеты*, *снэпшоты* и *байер* не становятся широкоупотребительными. Связано это с тем, что они являются сугубыми профессионализмами и потому шанс их проникновения в другие сферы очень мал, хотя, заметим, сфера моды интересует не только специалистов. Небезынтересно, на наш взгляд, что в профессиональном жаргоне составные номинации *покет-мани* и *снэп-шот* все чаще, в полном соответствии с языковым законом экономии, подвергаются усечению и далее функционируют как *покеты* и *снэпы*, закономерно приобретая формы множественного числа, аналогичные русским существительным определенного типа склонения.

ЛУК, МОДНЫЙ ЛУК / ОБРАЗ

Существительное *look* – наружность, вид в модельной сфере означает образ, определенный комплект одежды, правильно подобранный и сочетающийся по цветам и формам. Существует разновидность *лука* – *тотал лук*. *Тотал лук* переводится как *полный образ* и употребляется по отношению

к комплекту одежды, который был полностью сделан одним дизайнером (из одной коллекции).

Для «жизни» этого слова в русском языке существенным моментом является то, что *лук* омонимичен двум русским словам.

Англицизм *лук* имеет русскоязычный аналог: *образ*. В процессе работы была проанализирована частотность использования обоих слов в интернете. Для того чтобы максимально избежать омонимии и попадания в результаты слова *лук* с другим значением, были взяты словосочетания *модный лук* и *модный образ*. Данные словосочетания были занесены в поисковую строку системы Google, и получены были примерно одинаковые, сопоставимые результаты. Кроме того, был проведен опрос среди 20 студентов. 25% опрошенных имеют филологическое образование, 65% связаны со сферой рекламы и пиара, 10% не связаны с гуманитарной сферой.

Опрашиваемым был задан вопрос: «Какое слово вы чаще используете в повседневной речи: *лук* или *образ*?»

«лук»	«образ»	Не использую	*Другие варианты
11 человек	8 человек	1 человек	*4 человека

Из 20 опрошенных 11 используют слово *лук*, остальные же предпочитают слово *образ*. Два человека из опрошенных к основному ответу дали дополнительные варианты, используемые ими в повседневной речи: *аутфит* и *имидж*.

Другие два участника опроса добавили, что используют слово *лук* в ироническом смысле, когда высмеивают чью-то манеру речи.

На примере данного слова можно увидеть, как англицизм, неактуальный в языке-реципиенте, постепенно вытесняется исконным словом. Несмотря на количественное превосходство англицизма в СМИ (в газетах, речи людей, связанных с журналистикой и рекламой) и интернете, по

результатам опроса можно увидеть, что исконное слово используется все чаще, а слово *лук* начинает приобретать оценочность. Это связано с несколькими причинами:

1. Избыточно частое употребление слова в СМИ, интернете, устной речи и, как следствие, «замыливание» его.

2. Наличие в русском языке *омонимов (оружие и растение)*. Из-за этого появляются ненужные ассоциации, возможны коммуникативные неудачи, особенно в вырванных из контекста фразах.

ТРЕНД / ТЕНДЕНЦИЯ

Слово *trend* в словаре 1990 года переводится как: *общее направление, тенденция; 2) отклоняться, склоняться; клониться*. Тренд в русском языке имеет аналог, однако, что интересно, данный аналог также является заимствованием, только из немецкого языка:

ТЕНДЕНЦИЯ [тэ, дэ], -и, ж. [нем. *Tendenz*<лат. *tendere* направляться, стремиться; склоняться]. 1. Направление развития, склонность, стремление. *Т. к росту*. 2. Замысел, направленность какого-н. изложения, изображения. *Роман обнаруживает тенденцию к идеализации характеров*. 3. Предвзятая односторонняя мысль, навязываемая слушателю, читателю, зрителю и т. п. *Настоящий художник не должен быть рабом тенденции* [Крысин 2011].

В русском языке со словом *тренд* есть также устойчивое словосочетание *быть в тренде*, что означает *быть в курсе моды* (не только относительно одежды) *и следовать ей*. Кроме этого, в модельном бизнесе также используют словосочетание «*тренд-бук*».

Однако данное слово и выражение сейчас очень часто используются в речи не только в сфере моды.

С помощью поисковой системы *Google* был проведен анализ частотности использования словосочетаний *модный тренд* и *модная тенденция*. Были получены следующие результаты:

- *модный тренд* – 389 000 результатов

- *модная тенденция* – 273 000 результатов

Во многих заголовках сайтов, которые выходили в результатах поиска, встречалось как слово *тенденция*, так и *тренд*; не делалось полного разграничения значений данных понятий, однако можно сделать вывод, что заимствования имеют разный оттенок значения. И более раннее заимствование *тенденция*, и англицизм *тренд* используются, в общем, одинаково часто, однако происходит постепенное разграничение оттенков значений данных слов. *Тенденция* используется по отношению к какому-то сравнительно недавнему модному направлению (максимум 2–3 месяца, напр. *тенденция месяца, новая тенденция, наметилась тенденция* и т. д.), когда как *тренд* является по сути более продолжительной тенденцией (например, *тренд сезона, тренд года*).

Анализ выбранных слов показал, что большая часть англицизмов появилась в модельной сфере в связи с отсутствием наименования, наиболее точно передающего значение понятия. Важно и то, что модельный бизнес и сфера моды активно развиваются и популяризуются в России. На основе заимствования понятий, пришедших из зарубежных стран и при наличии в специальной речи готовых наименований на английском, появляется потребность в соответствующих терминах сначала у профессионалов, а затем, благодаря популярности данной сферы и, соответственно, закономерного увеличения частоты использования, входят и в общее употребление.

Те слова, которые попали в русский как слова-конкуренты русскоязычным аналогам, могут вытеснить последние из-за фактора престижности и естественного намерения говорящих продемонстрировать принадлежность к профессиональной группе. Однако, как показал анализ слова *лук*, в отдельных случаях, в частности по причине лингвистического характера, русские аналоги могут часто использоваться наряду с заимствованным английским словом и иметь все шансы вытеснить даже прижившееся, на первый взгляд, наименование.

Принятые русским языком англицизмы могут также изменять исходное значение, как это произошло со словом *шоурум*.

В целом появление рассмотренных англицизмов в русском языке можно назвать обоснованным, так как бо́льшая часть наименований необходима в связи с востребованностью обозначаемых ими новых предметов и явлений – прежде всего в профессиональной сфере.

Литература

Аракин В. Д., Выгодская З. С., Ильина Н. Н. Англо-русский словарь: Ок. 36 000 слов. – 13-е изд. – М., 1990. – 608 с.

Долгова Т. В. Влияние процессов глобализации на формирование языка моды. Англицизмы в профессии // Сборник статей по материалам XXXVI международной научно-практической конференции «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии». – Новосибирск, 2014. – [Электронный ресурс]. URL: <http://sibac.info/conf/philolog/xxxvi/38340>

Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 35–43 – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/dyakov-03.htm>

Захватаева К. С. Роль английского языка в процессе современного англо-русского языкового контактирования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2012. – С. 400–403 – [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics2/zakhvatayeva-12.htm>

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. – М., 2014. – С. 121–126.

Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб., 2007. – 432 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2011. – 864 с.

Пташникова О. И. Специфика пополнения модного словаря последних лет. – [Электронный ресурс]. URL: <http://medconfer.com/files/archive/2014-12/2014-12-81-A-4360.pdf>

Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 413 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов. – 2-е изд., стереот. – М., 1994.

Своеобразие динамической ситуации наблюдения в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки»

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению динамической ситуации наблюдения в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки». Характер персонажа-наблюдателя обуславливает выбор предиката зрительного восприятия и специфику представления его объекта.

Ключевые слова: динамическая ситуация наблюдения, субъект наблюдения, объект наблюдения, предикат.

Abstract

The article is devoted to the dynamic situation of observation in "The Punch's Syndrome" of Dina Rubina. The observer influences on the choice of a predicate and presentation of an object of observation.

Key words: dynamic situation of observation, subject of observation, object of observation, predicate.

Субъект наблюдения изучается не только в лингвистике, но и в литературоведении, семиотике [Апресян 1986, Падучева 1993 и др.]. Текстовый субъект наблюдения отличается от субъекта наблюдения в языке и речи, представляя как носитель точки зрения [Успенский 1970]. Для его интерпретации необходимо, наряду с *точкой зрения*, обращение к более широкому понятию — *поле зрения воспринимающего*, к характеристике компонентов динамической ситуации наблюдения (его субъекта, объекта и предиката).

В художественной прозе Д. Рубиной обнаруживается доминанта зримого восприятия действительности («На солнечной стороне улицы», «Почерк Леонардо», «Белая голубка Кордовы», «На Верхней Масловке» и др.). Роман «Синдром Петрушки» привлекает внимание многих лингвистов и литературоведов [Несынова 2015, Пановица 2014 и др.], которые интерпретируют его название, метафорический принцип текстовой

организации, лейтмотив кукольности. Изображение динамической ситуации наблюдения при этом остается недостаточно исследованным.

Петр Уксусов, главный герой романа, — кукловод и кукольный мастер, который посвящает этому делу всего себя. Он воспринимает настоящую жизнь как кукольный спектакль, творит воображаемую кукольную реальность, проецируя ее на действительность. Даже став невольным свидетелем самоубийства матери Лизы, маленький Петя *с восторженным ужасом* смотрит на ее тело, воспринимая его как *изломанную рыжеволосую куклу*. Он обращает внимание на лужицу *яркой лаковой крови*, виднеющуюся из-под простыни, которой накрыли женщину. Эпитет *лаковая* усиливает впечатление театральности восприятия ситуации:

Он (Петя. — Авт.) вырвался и с восторженным ужасом глядел на неподвижную фигурку, застывшую на камнях в той же позе, как летела, — будто распятая. Рыжеволосая кукла — она оказалась миниатюрной женщиной — лежала на булыжной мостовой, и голубая сорочка так воздушно обволакивала ее хрупкое изломанное тело, и у нее... у нее были такие чудесно сделанные ножки и миниатюрные босые ступни. <...>

Быстро приехала «скорая помощь», затем милиция, и женщину накрыли ярко-синей, синей, как небо, простыней, из-под которой золотым пожаром полыхали две пряди рыжих кудрей и подтекала небольшая лужица очень яркой лаковой крови.

Специфика субъекта наблюдения выражается в самом названии романа. Синдром — это «сочетание симптомов, характерных для какого-нибудь заболевания» [Ожегов, Шведова 2010: 718]. Название произведения, с одной стороны, указывает на патологию, передающуюся в роду Лизы (синдром Ангельмана, или синдром смеющейся куклы). С другой стороны, в романе актуализируется переносный смысл словосочетания *синдром Петрушки*: болезнь Петра, его одержимость куклами, восприятие других людей сквозь призму кукольного сознания.

Герой делит окружающих на *кукол, не кукол и кукольников/кукловодов* [Несынова 2015: 76]. Людей, способных быть куклами, отличает сочетание живого и неживого, механистичность, стремление к театрализации жизни. Например, Петя считал куклой своего отца, Ромку, который носил ручной протез, имевший черты живого и мертвого, что сыграло главную роль в его восприятии. Лизу, свою жену, в начале их знакомства Петр также воспринимает как ожившую куклу из-за ее *томных глазниц и пунцовых, как ягода-калина, кудряшек*. Показательно, что мать героя не могла быть куклой: она была слишком живой, *настоящим человеком*. Кукольным, по мнению Петра, может быть тот, кто способен оживить куклу (Казимир Матвеевич, Ромка).

Субъект наблюдения в романе может быть названным и неназванным. Субъективации повествования способствует появление театральной метафоры, сравнений с куклой, использование несобственно-авторской речи:

Из ближних домов высыпали соседи, многие окна распахнулись, из них по пояс — как из театральных лож — свешивались люди, перекрикиваясь и пытаясь получше разглядеть самоубийцу на мостовой. А самыми театральными, самыми кукольными были зрители-скульптуры между окнами — мужские фигуры: они как бы выростали из стены и внимательно смотрели вниз, на тротуар.

Главным объектом наблюдения Петра является кукла. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой данная лексема получает следующее толкование: 1. детская игрушка в виде фигурки человека, 2. в театральном представлении: фигура человека или животного, сделанная из разных материалов и управляемая актером (кукловодом) [Ожегов, Шведова 2010: 313].

Для Петра кукла не просто *фигура, сделанная из разных материалов*. Герой ссорится, мирится с куклами, наказывает их, не выпуская на сцену какое-то время. У куклы есть сердце, пульс; она может *дышать* и только

прикидываться бездушной; может быть задирой, хулиганом, забиякой. Петр ощущает, что с ней его соединяет *общая кровь*.

Для него кукла — динамический объект наблюдения. Чтобы быть увиденной, она должна ожить, начать двигаться. Процесс ее создания и оживления изображается Д. Рубиной пошагово: *нашел, отмыл, вылечил, вставил в пустые глазницы карие стеклянные глаза; дернулась рука, голова откинулась и повела глазами, шаркнули ноги* и т. д. Петр воспринимает куклу прежде всего тактильно, поэтому в романе возможна элиминация предикатов ее зрительного восприятия.

Наблюдая за людьми, герой обращает внимание на кукольные черты их внешности: *на кукольное лицо; походку, легкую, как поступь марионеток; крупный блестящий нос; чудесно сделанные ножки; кукольный, полированный череп* и др.

Петр, как актер, находящийся за ширмой кукольного театра, не может видеть себя, он дан в восприятии другого субъекта наблюдения — зрителя. Нередко он оказывается объектом восприятия повествователя или своего близкого друга Бориса Горелика.

Петр, как и кукла, не является статичным объектом наблюдения. В динамизации этого процесса участвует контекстно-вариативное членение текста. Разбивая действие на фазы, Д. Рубина создает демонстрационный тип речи [Ильенко 2003: 361]: например, во время танца с Лизой Петр *подхватывал ее, крутил, ронял, носил под мышкой, прислонял к стенке, вытаскивал марионеток из коробки*.

Специфика изображения динамической ситуации наблюдения в романе «Синдром Петрушки» обусловлена его сложной рецептивной программой, замыслом произведения о кукольнике, о его непростых отношениях с куклами и живыми людьми.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Вып. 28. — М.: Языки русской культуры, 1986. — С. 5-33.
- Ильенко С. Г.* Русистика: Избранные труды. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. — 674 с.
- Несынова Ю. В.* Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Филологический класс. — Екатеринбург: Издательство УрГПУ, 2015. — №2 (40). — С. 75-81.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М.: ООО «А ТЕМП», 2010. — 874 с.
- Падучева Е. В.* Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1993. — Т. 52. — №3. — С. 33-44.
- Пановица В. Ю.* Метафорическое моделирование как принцип организации романной структуры (на материале романного цикла Д. Рубиной): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2014. — 21 с.
- Успенский Б. А.* Поэтика композиции. — М.: «Искусство», 1970. — 256 с.

Теоретические и прикладные аспекты риторического наследия Ю.М. Лотмана

Аннотация

Выявлено своеобразие риторических представлений Ю.М. Лотмана, зоны пересечения с трудами других отечественных и зарубежных исследователей. Предложена типология стратегий и тактик развертывания научно-популярных и публицистических текстов ученого, выявлено своеобразие этапов порождения его речи (инвенции, диспозиции, элокуции).

Ключевые слова: риторика, коммуникативная стратегия и тактика, сократический риторический идеал.

Abstract

Lotman's originality of rhetorical concepts and intersection zone with the works of other local and foreign researchers were revealed. A typology of strategies and tactics of popular scientific and journalistic texts deployment was suggested. Peculiar features of his speech production stages were identified (Inventions, dispositions, elokutsii).

Keywords: rhetoric, communicative strategy and tactics, rhetorical Socratic ideal.

Ю.М. Лотман оставил разнообразное риторическое наследие. В своих трудах он обращается к истории риторики, сопоставляет противоречивые взгляды на ее предмет, предлагает его оригинальную трактовку. Однако она осталась недостаточно оцененной, упоминание о ней встречается только в нескольких современных учебниках риторики.

Ю.М. Лотман предложил широкое культурологическое понимание риторики, что предполагает также дифференциацию *риторических и нериторических эпох*. К риторическим он относит средневековье, барокко, романтизм, символизм и авангард, а к нериторическим – классицизм.

Данный подход созвучен риторической концепции В.В. Виноградова [Виноградов 1980: 119] и Льежской школы. Интерес к истории риторики присутствует и в работах А.К. Михальской [1996].

Глубокому постижению риторики сопутствовал ораторский талант Ю.М. Лотмана – выдающегося популяризатора науки и воспитателя. Современные исследования, посвященные эффективности коммуникации, как правило, обращаются к рекламному и политическому дискурсу, тогда как педагогическая риторика остается недостаточно разработанной. Сегодня, в период широкого распространения псевдонаучного знания, важным является поиск образцов истинной популяризации науки. Актуальной оказывается и проблема выявления ее специфики в разных сферах научного знания [Одинцов 1976: 77].

Ю.М. Лотман, безусловно, владел мастерством научно-популярного изложения. В научно-популярном и публицистическом тексте Ю.М. Лотмана функционируют адресные стратегии: управления вниманием аудитории, установления и поддержания контакта, самопрезентации. Он использовал разнообразные тактики объяснения понятий, портретную, аргументативную и др. Данные тактики конкретизируются коммуникативными ходами, которые имеют взаимодополняющий характер. Например, тактика объяснения понятий представлена в его лекциях ходами *апелляции к противоположному понятию (а) и повествования (б)*:

(а) Что же противопоставит интеллигентности? <..>Думаю, что понятием, противопоставленным интеллигентности, является ХАМСТВО<...> Что же стоит психологически за этим?<...>Если говорить о психологической основе хамства - это психология раба... Это психология человека, которого унижали, который поэтому сам себя не уважает и стремится компенсировать свое внутреннее неуважение, унижая других людей (Беседы о русской культуре, цикл третий, лекция 1).

(б) Были братья Муравьевы: один из них пошел на каторгу, другой – в ссылку, а третий брат, который был очень талантливым математиком (мальчиком был уже заметным математиком), и тоже был причастен к декабристскому движению, потом стал генералом и жестоким душиателем польского восстания. Когда его спросили, не из тех ли он Муравьевых, он сказал: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, я из тех, которые вешают». Это ответ Городничего! Это то же самое глубочайшее неуважение к себе (Беседы о русской культуре, цикл третий, лекция 1).

Ниже представлен пример тактики совместного размышления, организованной цепочкой вопросно-ответных блоков с вопросами разных типов (актуализирующим, медитативным) и местоимением *мы* совместности [Стельмашук 1987: 30-32].

Посмотрите, кто мы с вами такие? Можно сказать, что мы очень умные и хорошие машины. Мы умеем делать много разных вещей. Но какая особенность у каждой машины? У всех разные лица. А зачем? Казалось бы, было бы проще, чтобы у всех были одинаковые лица (Чему же учатся люди?).

Ю.М. Лотман глубоко осознавал потенциал топов, используя их для порождения и распространения идей (топы Имя, Определение, Род-Вид, Часть-Целое, Сравнение и Противопоставление). Излюбленным типом его аргументации выступает аргументация дедуктивная и двусторонняя. Его речь иронична и афористична. Ученый демонстрирует мастерское использование сильных позиций речи/текста, в его выступлениях нередко искусственное начало, зацепляющее внимание слушателя:

Люди входят в класс. Одни из них – маленькие люди – садятся за парты, другой – большой человек – садится за стол учителя (Воспитание души).

Речевое поведение Ю.М. Лотмана демонстрирует особую значимость для него сократического риторического идеала. В его научных, научно-популярных, публицистических произведениях функционируют средства речевого контакта и управления вниманием аудитории, средства интимизации изложения, обеспечивающие эффективность коммуникации с самыми разными адресатами.

Теоретические и прикладные аспекты риторического наследия Ю.М. Лотмана требуют дальнейшего изучения в контексте поиска современной риторикой вектора своего развития.

Литература

- Виноградов В. В.* Поэтика и риторика // В.В.Виноградов. Избранные труды о языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – С. 98 - 175.
- Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: URSS: ЛКИ, 2012. – 288 с.
- Лотман Ю. М.* Воспитание души. – СПб: «Искусство – СПб», 2005. – 624 с.
- Михальская А. К.* Основы риторики. Мысль и слово: Учебное пособие. — М.: Просвещение, 1996 . — 416 с.
- Одинцов В. В.* Структура публичной речи. – М.: Знание, 1976. – 78 с.
- Стельмашук А. П.* Функционирование вопросительных предложений в научно-популярном стиле (на материале подъязыка медицины): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 168 с.

О расширении словообразовательной парадигмы имен существительных с суффиксом *-ант* в современной речи

Аннотация: В статье рассматривается продуктивный суффикс *-ант* как демонстрирующий в современной речи словообразовательную активность в значении лица по производимому действию, названному мотивирующим глаголом. В ходе анализа показано, что суффикс *-ант*, изначально маркированный как книжный, приобретает в современной речи оценочную коннотацию, которая может быть обусловлена семантикой мотивирующего глагола и/или особенностями контекстного окружения.

Ключевые слова: словообразовательная парадигма, суффикс, производящая основа, производитель действия (деятель), контекст, коннотация.

Abstract

The article deals with the productive suffix *-ant* as demonstrating word-building activity in modern speech within the meaning of an actor called the motivating verb. The analysis shows that the suffix *-ant* gradually acquires evaluation connotation which may be due to the semantics of the motivating verb and/or peculiarities of the contextual environment.

Key words: derivational paradigm, suffix producing base, the producer of action (actor), context, connotation.

«Сегодняшнее состояние русского языка, – пишет М. Ю. Казак, автор учебного пособия по морфемике и словообразованию, – связано, во-первых, с активизацией заимствованных приставок и суффиксов [Казак 2012: 21]. Далее автор отмечает, в частности, что «в последние десятилетия для обозначения лица оказался востребованным ранее малопродуктивный суффикс *-ант*» [там же: 68], и приводит примеры: *подписант, амнистант, реабилитант, нобелиант, отъезжант, выезжант, номинант*. По нашим наблюдениям, этот процесс прежде всего происходит в электронных СМИ, а также в речи теле- и радиоведущих разных программ.

Суффикс *-ант* принадлежит к классу служебных словообразовательных морфем, с помощью которого могут образовываться существительные – чаще всего с семантикой лица – как от глагольных, так и от именных основ (см. [Русская грамматика-1: §§ 226 и 345]). Заметим,

однако, что М. Ю. Казак не соотносит производящую основу слов, включенных в иллюстративный ряд, с определенной частью речи и не уточняет значение этого суффикса-полисеманта. В «Новом толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой отмечается наличие двух значений у суффикса **-ант**, из которых предмет нашего интереса представляет следующее: *словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые являются названиями лиц по производимому действию или по роду деятельности* (выделено нами – В.Р., Д.С). При этом действие, как правило, названо глаголом на – *ировать* [Русская грамматика-1:§ 226].

В русском языке имена существительные со значением исполнителя действия достаточно регулярно могут образовываться посредством субстантивации причастия, образуя синонимические пары по признаку «исконное / заимствованное» слово (*спекулирующий / спекулянт, эмигрировавший / эмигрант, симулирующий / симулянт, интересующийся / интересант, подписавшийся / подписант* и т.п.).

По происхождению аффикс **-ант** – суффикс, образующий в латинском языке причастие настоящего времени, например: мигрант ← лат. *migrantus*; родительный падеж – *migrantis*. Но по этой же модели «основа глагола + суффикс -ant» образуются причастия во французском языке, восходящем к латыни. Французский язык, как известно, – один из активнейших источников заимствований в русском языке. Поэтому мы предположили, что многие слова рассматриваемой словообразовательной модели образовались не на почве русского языка, а заимствовались из французского языка и тем самым могли повлиять на активизацию суффикса в нашей речи. Для проверки этой гипотезы мы обратились к «Историческому словарю галлицизмов русского языка» Н. И. Епишкина [8] и обнаружили там статью с толкованием данного суффикса и текстовыми примерами собственно русских и не очень привычных производных существительных:

«-АНТ I -ant. Суффикс заимствованных существительных мужского рода. Ср. фабрикант, диверсант, лейтенант, сержант, II. Словообразующий суффикс, обозначающий деятеля. Эти звезды<...>богачей имеют, **содержантов**<...> и с дилекторами у них такое, на подержание даются, для славы, и для денег. (И. Шмелев Няня из Москвы.) В Кабуле арест **покушантов** на <президента> Карзая. (2002) Ср. также: **Подписант**, тот, кто подписывает какое-л. обращение к властям (особенно во времена т. н. застоя)».

Таким образом, подтвердилось заимствование аффикса **-ант**. Однако, по данным «Русской грамматики», его продуктивность «ограничена образованиями, относящимися к спец. терминологии: нов. *информант* (спец.); окказ. *дискутант* (газ.)» [Русская грамматика-1: § 226]. Поэтому можно говорить о его активизации в настоящее время. Это подтвердил анализ 7 словарей второй половины XX – начала XXI вв., вышедших в период с 1998 по 2014 годы. Подчеркнем, однако, что в нормативных словарях лексемы этой словообразовательной модели с интересующим нас значением суффикса встречаются крайне редко.

Для дальнейшего анализа были отобраны слова *диспутант* и *симпатизант* с иноязычной производящей основой. Словари показали, что обе лексемы являются заимствованными или прямо из французского (*симпатизант*), или через посредство немецкого языка (*диспутант*). Оба слова лишены оценочных коннотаций в словарях, хотя имеют ограничительные пометы. Тем не менее вывод о наличии коннотативного компонента, на наш взгляд, нередко подсказывается контекстом.

Рассмотрим слово «**симпатизант**». По словарю Н. И. Епишкина, «СИМПАТИЗАНТ а, м. *sympathisant* м. *полит.* Сочувствующий; сторонник». Приведем два примера из словаря: *Консерваторы, в свою очередь, разделились на противников перестройки, нейтралов и симпатизантов.* [А. Зиновьев. Смута. 1993]. *В сторону Германии с одобрением посматривают около 7 процентов обитателей России. Тогда как Франция (с*

2 процентами *симпатизантов* среди русских), и Англия (1 процент), и США (1 процент) не вызывают союзнических отношений. (1997). В Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ) эта лексема зафиксирована только в газетно-публицистических текстах XXI в. и, как явствует из пометы, представляет собой политический термин. Некоторое впечатление оценочности, оставляемое этим словом, может быть обусловлено характером семантики производящей основы, то есть самого глагола *симпатизировать*. Подтверждением нашего предположения служит также фрагмент работы французского политика и ученого Мориса Дюверже «Политические партии», получившего известность благодаря вкладу в политологию и в особенности в классификацию партий и партийных систем [Википедия]. Одна из глав его работы посвящена членам партии по степени причастности. Дюверже выделяет «три круга причастности», из них второй круг «включает "*симпатизантов*" – и термин и понятие туманны, но их неопределенность связана с самой действительностью. *Симпатизант* – это избиратель, но это гораздо больше, чем просто избиратель: он признает свою склонность к партии; он защищает, а порой и поддерживает партию и финансовом отношении; он даже входит в ее придаточные институты. Широко употребляемые сегодня термины "паракommунист" и "криптоkommунист" относятся именно к *симпатизантам*. Наконец, третий круг – внутренний, он охватывает активистов. Понятие "член партии" там, где оно принято, образует и четвертый круг, как бы промежуточный по отношению к двум последним; он более широк, чем круг активистов, но более узок, чем круг *симпатизантов*. Членство предполагает более глубокую причастность к партии, нежели симпатия, но менее глубокую, чем активизм». Приведенная обширная цитата убедительно подтверждает коннотативно обусловленную словарную помету *политическое*.

Однако в публицистических текстах возможны коннотативные сдвиги, как в следующих примерах из НКРЯ. «Свою должность в партии он обозначил как *симпатизант*». [Симпатии Рогозина // РБК Daily, 2007.05.11]

– хотя Дмитрий Rogozin, очевидно, употребил это слово в терминологическом значении, но его интерпретация в контексте либеральной газеты иронична: ведь симпатизант – это не должность. Еще очевиднее ироническая коннотация в следующем примере из статьи с заголовком «Кончита ля комедия»: *«То, что В.В. Жириновский и его симпатизанты не хотели бы иметь дело с Кончитой Вурст, свидетельствует, что им хотелось бы иметь дело с каким-нибудь «новым Рейганом»* [Андрей Ашкеров. // Известия, 2014.05.12]. В последнем примере из словаря Н. И. Епишкина *«Российские симпатизанты капитализма в упор не хотят видеть этой зловещей конвергенции. (1998)»* наведению коннотации, причем, негативной, способствует соседство со словом **симпатизант** словоформ **капитализм**, **зловещая** и фразеологизма *в упор не видеть*

Аналогичный процесс коннотативного обогащения происходит в современной речи и с лексемой **диспутант**. По словарю: *«ДИСПУТАНТ а, м. disputant, нем. Disputant <лат. disputants,-ntis. Участник диспута»*. В этом значении, не содержащем коннотативного компонента, слово употреблялось, по данным НКРЯ, в русском языке XIX в. (первая фиксация 1809 г.) в разных типах текстов. Например: *«Главные противники были каждый в своем роде выдающимися диспутантами»* [Б. Д. Порозовская. Мартин Лютер (1895)]. Так оно может употребляться и в современном языке: *«Блестящие качества обоих диспутантов привлекали на сражение Луначарский – Введенский большое количество людей»* [Варлам Шаламов. Начало (1962)].

Как показывают примеры в НКРЯ, оно способно «прирастить» ироническую оценочность в отнюдь не нейтральном контексте, в том числе при описании сугубо бытовой ситуации: *«Пров Викулыч был отменный начетчик, искусный диспутант и великий юрист»* [В. Крестовский «Петербургские трущобы» (1864)]; *«Поклон и благодарность "Литературной газете", которая нас терпит дольше, чем кого бы то ни было из прежних диспутантов»* [ЛГ 25. 10. 1998]; *«Спорить с такими диспутантами, конечно, нелегко, особенно если дискуссия идет в очереди»*

[Неделя. 1990]. Замеченная тенденция особенно характерна для современных печатных СМИ.

Обращение к списку слов в обратном словаре русского языка online, а также к словарям субстандартной лексики позволило увидеть немало слов с финалью *–ант* с семантикой деятеля, в том числе и образованных от производящих основ русских глаголов.

Примечательно, что факт пока еще точечного «переключения» этого суффикса на исконно русские производящие основы свидетельствует об образовании коннотативно отягощенных лексических единиц, например, таких, как *въезжант, отъезжант, содержант, подписант, понимант, упирант*. Среди них самое стилистически «смягченное» – слово *подписант*, которое находим, в частности, на страницах газеты «Комсомольская правда»: *«Другой **подписант** заявил, что его вообще-то не очень правильно поняли, он не собирался критиковать правительство»*. Оно представлено с пометой «разговорное» в Толковом словаре русского языка. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [14], в Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова [3], а в Толковом словаре русского языка конца XX века под ред. Г. Н. Скляревской [18] – с пометами «разговорное», «ироничное», сопровождаясь соответствующими примерами. *«У меня уже имелся опыт немилости властей. То за подписание письма в поддержку высылаемого деятеля культуры, то за автограф на протесте против ввода наших войск в чужую страну, <...>. А «**подписантов**» у нас в стране ох как не жаловали» [Рязанов Э. Предсказание] «Булат Шалвович [Окуджава], насколько я знаю, вы никогда не испытывали тягу к общественной или тем более политической деятельности. Отчего же сегодня вы стали активным «**подписантом**» коллективных писем <...>» [Огонек, 1991, 19].*

Чтобы проверить наличие или отсутствие оценочного компонента в лексемах рассматриваемой словообразовательной модели, нами был проведен опрос среди небольшой группы информантов, состоящей из 20 человек в возрасте от 18 до 80 лет разных профессий. Предложенный список

из 7 слов включал лексемы с иноязычными основами (*диспутант, симпатизант, интересант, коммерсант*) и с русскоязычными основами (*подписант, врубант, понимант*). Не все слова, включенные в опрос, принадлежали к исследуемой группе (лексемы *коммерсант* и *врубант* из нее исключены), так как нами была поставлена цель выявить реакцию носителей языка на слова, с одной стороны, хорошо знакомые и опознаваемые, а с другой стороны, на лексемы новые, не очень привычные или даже незнакомые.

В ходе опроса выяснилось, что слова с иноязычными основами воспринимались, в основном, как специальные или книжные. Слова же с русскими основами (*понимант, врубант*) более 70% респондентов, ориентируясь на прозрачную мотивировку, а в слове *врубант* – и на хорошо осознаваемую сниженную стилистическую характеристику производящего глагола, отнесли к разговорной (но не жаргонной) лексике.

Жаргонные слова, употребление которых ограничено определенной социальной группой, как известно, стоят за пределами литературного языка. Они обычно являются вторичными эмоционально-экспрессивными наименованиями понятий. Между тем лексемы *врубант, понимант, упирант* очевидно включают яркий оценочный компонент и зафиксированы только в словарях субстандартной лексики: в «Словаре русского арго» В. С. Елистратова [7] и в «Большом словаре русского жаргона» Т. Г. Никитиной и В. М. Мокиенко [12].

Предпринятый анализ показал, таким образом, активизацию одной из словообразовательных моделей имен существительных и тенденцию к расширению словообразовательной парадигмы с русскими производящими основами и суффиксом *-ант*, а также появление явного или контекстуально обусловленного оценочного компонента в семантике некоторых слов, образованных от исконно русских глагольных основ.

Активный словотворческий процесс по данной модели проявляется в сфере арготической и жаргонной лексики, поэтому многие слова лежат за

пределами современной лексической нормы русского языка. Слова эти создаются по законам аналогии и экономии языка во избежание громоздких, сложных фраз, конструкций с причастиями. Вследствие неоднозначности коннотаций большинство слов, образованных по этой словообразовательной модели и лежащих в пределах лексической нормы литературного языка, могут употребляться в электронных СМИ, в художественной и научно-популярной литературе, в речи теле- и радиоведущих. Стилистический статус слов, обнаруженных в словарях субстандартной лексики, на данный момент очевиден, но не исключено, что эти лексемы через какое-то время смогут получить «входной билет» в разговорную речь.

Литература

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. — М.: «Русский язык», 2011.

Большой словарь иностранных слов. — М.: «ИДДК», 2007.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000.

Вишневецкая М. Словарь перемен. — М.: «Три квадрата», 2015.

Дюверже Морис. Политические партии. Изд. 5-е. — М.: Академический проект, 2013 fanread.ru»Книги»

Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. — М.: «Аделант», 2014.

Елистратов В. С. Словарь русского арго. — М.: «Русские словари», 2002.

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. — М., 2010.

Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь. — М., 2000.

Казак М. Ю. Морфемика и словообразование современного русского языка. Теория: учебное пособие. — Белгород: «Белгород», 2012.

Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. — М.: «Эксмо-пресс», 2006.

- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. – СПб.: «Норинт», 2000.
- Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь: Словарь сленга. – СПб., 1998.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2004.
- Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1907.
- Русская грамматика. В 2 тт. Т.1. – М., 1980.
- Русский орфографический словарь / В. В. Лопатин (отв. редактор), Б. З. Букчина, Н. А. Еськова и др. – М.: «Азбуковник», 1999.
- Тихонов А. Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. – М., 2014.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складчиковой. – СПб.: «Фолио-Пресс», 1998.
- Шагалова Е. Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. – М., 2011.

Слово *акция* в современной речи

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению слова *акция* в современной речи. В работе проведен анализ словарных статей современных толковых русскоязычных и англоязычных словарей, а также словарей новых и иностранных слов, где зафиксирована лексема. Практический материал исследования базируется на данных Национального корпуса русского языка, рекламных текстах. В результате исследования в семантической структуре слова *акция* отмечены такие процессы, как уход одних кодифицированных значений на периферию и актуализация других, а также появление новых значений в результате семантического калькирования.

Ключевые слова: заимствованное слово, семантическая калька, реклама, расширение значения (слова)

Abstract

The word *action* is investigated in the article. The work is based on the analysis of the entries made in modern monolingual Russian-language and English-language dictionaries and dictionaries of new and foreign words, where this lexeme is fixed. The data of Russian National Corpus and advertising texts practical source material article are the source of practical material. The result of research in the semantic structure *action* is marked by processes such as avoiding codified meanings, the actualization of others and the appearance of new meanings as a result of semantic calquing.

Key words: loan word, semantic calque (semantic tracing), advertising, meaning extension

Общеизвестно, что слова любого языка развиваются не только в своей собственной языковой системе, приобретая и утрачивая значения, но и заимствуют новое из других языков. Однако в современном мире процесс кодификации не всегда успевает за активными изменениями и в составе лексики вообще, и в семантике отдельных слов в частности. Особый интерес, на наш взгляд, представляет явление семантического калькирования, а также развития семантики заимствованных слов в речевой среде языка-реципиента.

Последнее является общеизвестным признаком укоренения чужих слов, когда они не только входят в морфологическую систему языка, но способны развиваться семантически.

К процессу калькирования обращались в своих работах многие ученые [Шанский 1955, Крысин 2007, Кузнецова 1989, Дьяков 2012, 2014]. Л. П. Крысин понимает под кальками как слова, созданные из исконного языкового материала по образцам иностранного языка (словообразовательные кальки), так и отдельные значения, возникшие под влиянием иностранного слова (семантические кальки) [Крысин 2007: 127–128]. Считаем необходимым подчеркнуть, что в данной статье мы предлагаем расширенное понимание термина «семантическая калька»: в качестве калькируемых рассматриваем значения, которые приобретают не только **исконные**, но также принятые и освоенные русским языком **заимствованные** слова. Одной из таких давно пришедших в русский язык лексических единиц является *акция*. В настоящее время это слово буквально «заполонило» рекламные (по преимуществу) тексты – как в печатных СМИ, в интернет-среде, так и в уличной рекламе разной степени качества. При этом слово *акция* используется совсем не в тех значениях, которые зафиксированы у него в толковых словарях или словарях иностранных слов.

МАС, например, отмечает у интересующей нас лексической единицы следующие значения:

- **А́КЦИЯ¹**, -и, *ж.* Ценная бумага, удостоверяющая взнос определенного пая в капиталистическое предприятие и дающая право ее владельцу на участие в делах и прибылях этого предприятия. [*Полозов*] *думал теперь только о том, чтобы поскорее устроить продажу завода, акции которого почти не давали дохода* (Чернышевский. Что делать?).

◇ **Акции *чьи* повышаются** — повышается значение, влияние кого, чего-л.

Акции *чьи* падают — снижается значение, влияние кого-, чего-л.

[Франц. action]

- **А́КЦИЯ**², -и, ж. *Книжн.* Действие, предпринимаемое для достижения какой-л. цели. *Дипломатическая акция.*

[От лат. *actio* — действие]

Рассматриваемая лексема имеет два омонима и в других словарях. Помета второго омонима варьируется: в словаре под ред. С. А. Кузнецова – *офиц.*, более того, указано, что «действие, выступление кого-л., предпринимаемое для достижения какой-л. цели» равнозначно слову акт (в 1 зн.).

Слово, как сказано выше, заимствовано давно (оба омонима – в начале XVIII в., по данным словаря Л. М. Баш, А. В. Бобровой и др.) и отмечено в современных словарях иностранных и заимствованных слов. Так, в «Современном словаре иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология», как и в МАС, дается 2 омонима, в первом из которых выделяется еще и такое значение:

- *Перен.* Возможности кого-л., влияние, шансы на успех и т.п. *Его акции сильно упали. Его акции очень поднялись в последнее время.*

Второй омоним имеет уточнение: это действие для достижения политической или военной цели. В других источниках такого сужения относительно описываемой ситуации нет: в словаре Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комаровой, И. В. Нечаева в иллюстрациях ко второму омониму даны следующие словосочетания: *политическая а., благотворительная а., гуманитарная а.* Значение второго омонима, как видим, ранее имело более узкую сферу употребления (офиц., книжн.), но в последних словарях пометы уже нет.

Узуальные значения «ценная бумага» и «действие, совершаемое с определенной целью (политической или военной)» включены в более чем половину вхождений основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) (9,2% и 51,1%, соответственно).

Однако там же предлагаются словоупотребления, вызывающие трудности при определении значения по современным толковым словарям:

- Этот концерт - **рекламная акция** новой услуги Sony — передачи музыки по Интернету во время рейсов (Rendez-vous (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06).

- Такая горячая **пиаровская акция** не снилась никаким другим, не менее крупным благотворительным учреждениям: ни, например, фонду Рокфеллера, ни фонду Карнеги (От динамита до «Виагры» // «Коммерсантъ-Власть», 2000).

Значение слова *акция* в представленных примерах может быть соотнесено только со значением второго омонима, т.е. с «рядом действий, осуществляемых для достижения определенной цели». Однако в приведенных примерах называются действия, целью которых является достижение личной выгоды или выгоды компании посредством рекламы предлагаемого продукта (товаров и услуг). Такой вариант семантики слова *акция*, по нашим наблюдениям, пока не нашел отражения в словарях.

Анализ представленных в НКРЯ вхождений *акции* позволил установить аналогию с понятием «связи с общественностью» (англ. Public relationship, PR): употребление этого слова было связано с предвыборными компаниями, когда в текстах (своего рода рекламных), рассказывающих о партиях или отдельных политиках, присутствует составной термин *пиар-акция* (1997 г.), от которого впоследствии остается только вторая его часть — *акция* — в значении «действия, направленного на популяризацию кого-либо или чего-либо среди большого количества людей».

Обнаружив связь с понятием *пиар* и, соответственно, английским языком как языком-донором, мы обратились к англо-английским словарям Macmillan Dictionary и Oxford Dictionary, где такие же значения присутствуют у слова *campaign*:

1. A series of actions intended to produce political or social change (ряд действий, мероприятий, направленных на достижение политических или социальных изменений).

2. A television advertisements or posters that try to persuade people to buy a product (телевизионная реклама или рекламный плакат, который направлен на то, чтобы убедить людей купить какой-то продукт).

3. A series of actions by an army trying to win a war (действия армии, направленные на достижение победы).

[Macmillan Dictionary]

Во всех трех значениях общим является компонент «действия, направленные на...», а кроме того, уточняется, каковы действия и цель. Первое английское значение – *мероприятие, направленное на достижение политических или социальных изменений* – совпадает с отмеченным в русскоязычных толковых словарях значением второго омонима – *действие, предпринимаемое для достижения какой-л. цели*. Здесь уточнено то разногласие относительно описываемой ситуации, которое мы вывели в словарном анализе (и политические, и социальные изменения). Значение *телевизионная реклама* находится в непосредственной связи с вхождениями НКРЯ, представленными выше, так как речь идет о рекламе, цель которой убедить купить товар или сделать его максимально известным для широкой аудитории. Это новое, еще не зафиксированное значение, таким образом, является семантической калькой, которая как способ расширения семантической структуры слов активна в современном русском языке.

Отдельно были рассмотрены такие значения слова *акция*, которые указывают на предоставляемую скидку, сниженную цену или какую-либо иную выгоду для покупателя, – т.е. то самое значение, которое не кодифицировано словарями, но осознается носителями языка ввиду постоянного его использования в качестве маркетингового приема в разнообразных «торговых точках» (от маленьких магазинов до торговых центров). Например:

- Новая «**акция**» в нашем магазине: Купите у нас 1000 мегабайт оперативной памяти и 24 мегабайта вы получите абсолютно бесплатно! (Программисты шутят // «За науку», 2011).

- В «Рамсторе» проходит **акция** «Ценопад»: для владельцев клубных карт цены на 15 наименований продуктов снижены, скидка колеблется от 15 до 35% (Марина Смовж. Мода на супермаркеты. Ритейлеры плетут в столице новые сети (2002) // «Известия», 2002.09.27).

- Гастроном №1 и MasterCard проводят специальную акцию для владельцев карт с технологий платежей в одно касание MasterCard PayPass. Оплатив покупку по бесконтактной технологии PayPass, вы получаете пригласительный на двоих в кафе Гастронома №1! (ГУМ. URL: <http://gum.ru/news/id/40539/>).

- Заключи договор на одну из программ ЦМО до 21 декабря и получи скидку — 10% от стоимости программы* (Рассылка ЦМО).

В основном корпусе НКРЯ такие значения занимают лишь 1,2%, несмотря на активное употребление в рекламных текстах. В англоязычных словарях такое значение присуще слову другому слову – *offer*:

- a special price that is lower than the usual price for something (Специальная цена, ниже обычной цены на определенный товар)

a half-price offer on all televisions (скидка 50% на все телевизоры).

Данная лексема имеет точный перевод на русский язык исконным словом – *предложение*, синонимом которого является *акция*. В рассматриваемой лексеме, следовательно, пересекаются значения двух английских слов – *campaign* и *offer*.

Такая смысловая нагрузка формируется и даже, как кажется, сформировалась в нашей речи. (Наряду с другими словами: *выгодная покупка, экономно, дешево, распродажа, скидка/скидки – сезонные, праздничные, в связи с ликвидацией коллекции* и т.п., которые уже образуют лексико-семантическое поле «продажи» или являются частью аналогичной тематической группы). То есть, с нашей точки зрения, слово *акция* ведет себя в современной речи и как своеобразный «сигнал», как своего рода синоним *выгодного приобретения*, которое возможно в ограниченный промежуток времени.

Слово, таким образом, современная речь демонстрирует собственный семантический «разворот», инициированный «англоязычной базой».

В НКРЯ были отмечены и другого рода вхождения слова *акция*:

- Приуроченная к десятилетию «Вагриуса», эта **акция** призвана познакомить читателей как с художниками, которые оформляют книги, так и с писателями, которые иногда тоже рисуют [Писатели рисуют. Художники читают (2002) // «Культура», 2002.04.01].

- Культурная **акция** «Ночь музеев-2013» в Новгородском музее-заповеднике нынче была приурочена к 1150-летию славянской письменности и прошла под девизом «Расшифруй послание из прошлого!» (Хроника недели (2013.05.20) // «Новгородские ведомости», 2013).

- Эта **акция**, считают специалисты, позволит сберечь редкие сорта растений, которые в скором времени могут исчезнуть. (Александр Голяндин. Семена Шпицбергена // «Знание-сила», 2012).

Эти примеры иллюстрируют именно зафиксированное слово – второй омоним, однако они не содержат в значении указания на какую-либо выгоду и могут быть заменены словом *мероприятие* или *проект* (именно социальные, благотворительные, научные и т.п.).

Среди других употреблений слова *акция*, соотносимых с более общим значением «действие, совершаемое для достижения определенных целей», есть такое словосочетание, как *акция протеста*, очень частотное в НКРЯ. Оно соотносится с английским словом *action*:

- The process of stopping work or working less effectively in order to protest about your pay, working conditions etc. This kind of action is also called industrial action (*Процесс прекращения работы, чтобы выразить свой протест сокращению зарплаты, ухудшению рабочих условий*) [Macmillan dictionary].

Однако говорить в этом случае о семантическом калькировании сложно, так как оба слова, вероятно, имеют один латинский источник – *action*

– *действие*, от *agere* – *делать*. Это возможный случай опосредованного заимствования.

Утверждение о формировании новых значений основано также на данных проведенного нами опроса, в котором приняло участие более 40 респондентов в возрасте от 15 до 49 лет. Участникам предлагалось дать свое толкование слову *акция* и определить, в каком значении употреблено слово в конкретных примерах из НКРЯ.

По мнению респондентов, слово является частотным особенно в СМИ (91%) и разговорной речи (80%). Практически все опрошенные воспринимают *акцию* как полисемант, выделяя в нем следующие значения:

- Ценная бумага (75%)
- Движение, событие, мероприятие (70%)
- Скидка, специальное предложение (52,5%)
- Реклама (7,5%)

В задании с выбором словарного значения, участникам опроса были предложены следующие варианты: «ценная бумага, свидетельствующая о пае в предприятии», «возможности кого-л., влияние, шансы на успех и т.п.», «действие, предпринимаемое для достижение какой-л. цели», «действие для достижения выгоды», а также «не понимаю / не знаю значение» и «знаю, значение, но оно не представлено здесь». Для последних двух вариантов предусматривалась возможность после опроса указать свое понимание.

Респонденты без труда определяли, что *акция протеста, культурная акция «Ночь музеев», флеш-моб, как внезапная акция, акция по задержанию, акция по вывозу оружия*, – действие по достижению некой цели; тогда как *коммерческая акция издательства, пиар-акция* – действие для достижения выгоды.

В комментариях некоторые участники опроса отметили, что никогда ранее не встречали переносное значение слова, связанное с возможностями кого-либо, шансом на успех, хотя значение присутствует в МАС. Возможно,

это указывает на то, что такое словоупотребление уходит из речи носителей языка в зону дальней периферии.

О таком же ходе, связанном только с иными действиями (возможностью попробовать, получить бесплатный сувенир и т.п.), говорит и *промоакция* (от английского *promotion*). В Macmillan Dictionary третье значение слова как раз описывает именно такие действия: *the process of attracting people's attention to a product or event, for example by advertising* (*процесс привлечения внимания покупателей к продукту / событию с помощью рекламы*). Ключевым в данном случае является слово *реклама*, на основании которого и было осуществлено предполагаемое калькирование.

Слово *акция* употребляется сегодня в контекстах, демонстрирующих негативное восприятие чьего-то/какого-либо действия.

- Что за **акцию** вы тут устроили?! (*из разговора*)
- Уничтожить производство, в которое он, Риль, вложил столько сил, его детище, его выдумку! **Постыдная акция!** Он повторял слова Ратенау о том, что если средства безнравственны, то и цель безнравственна. (Даниил Гранин. Зубр. 1987).

Такие словоупотребления не отмечены в словарях русского языка, но они толкуются у лексемы *action* в англоязычных лексикографических источниках:

- Something you do, especially something that seems wrong or unusual to other people (*действия, кажущиеся неправильными или необычными другим людям*) [Macmillan dictionary].

Появления подобных словоупотреблений – результат семантического калькирования еще только появляющегося в языке значения, что подтверждается наличием общей семы «действия, направленные на...» у второго омонима и лексемы *action*, а также уже отмеченная соотнесенность со словосочетанием *акция протеста*.

Таким образом, слово *акция* в современном русском языке демонстрирует семантическую перегруппировку кодифицированных

значений и появление новых. Не столь активным становится значение «ценная бумага», в сознании молодого поколения уходит на периферию переносное значение «шансы на успех». В то же время актуализируется значение «социальное, благотворительное или культурное мероприятие». Исследование выявило появление семантических калек английских слов. Первое – *campaign* – акция как рекламные действия, преследующие некую выгоду. Второе – акция как неодобряемые действия. Кроме того, было подтверждено осознание носителями русского языка нового значения, объединившего в себе семантику английских слов *campaign* и *offer*: акция – продажа товара в течение ограниченного времени по сниженной цене или предполагающая другую выгоду для покупателя.

Литература

- Дьяков А. И. Англицизмы: заимствование или словообразование // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2012. – № 5. – С. 72-76. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-zaimstvovanie-ili-slovoobrazovanie> (17.03.16)
- Дьяков А. И. Кальки – латентные англицизмы // EuropeanSocialScienceJournal. – 2014. – № 4-2. – С. 212-217. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://mii-info.ru/data/documents/EZhSN-2014-4-2.pdf> (дата обращения – 17.03.16)
- Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 240 с.
- Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов.–2-е изд., испр. и доп.– М.: Высш. шк., 1989.
- Шанский Н. М. Лексические и фразеологические кальки в русском языке // Русский язык в школе. 1955. № 3. – С. 28 - 35.

Электронный источник

Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс].
URL:<http://www.ruscorpora.ru/>

Словари

Большой словарь иностранных слов / Сост. А. Ю. Москвин. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф: ООО «Плюс», 2001. – 816 с.

Большой толковый словарь русского языка: [около 130 000 слов] / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000. – 1534 с. – [1-е изд. в 1998 г.].

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: [более 136 000 лексических единиц]. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1–2.

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний. - 2е изд., стер. – М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2006. – 784с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 944 с. – (Библиотека словарей).

Словарь русского языка: в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; под ред. *А. П. Евгеньевой*. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999.

Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / *Л. М. Баш, А. В. Боброва* и др. – М.: Цитадель-трейд; Вече, 2012. – 960с.

Collins dictionary – [Электронный ресурс]. URL:
<http://www.collinsdictionary.com/>

Macmillan dictionary – [Электронный ресурс]. URL:
<http://www.macmillandictionary.com/>

Oxford dictionary – [Электронный ресурс]. URL:
<http://www.oxforddictionaries.com/>

Oxford learner's dictionary – [Электронный ресурс]. URL:
<http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

О новых модных словах в молодежной речи

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые этапы расширения семантики и синтагматических связей в современном русском языке лексем «атмосферно», «феерично», «эпично» и «лампово». Автор, опираясь на опыт предшественников, раскрывает содержание понятия «модные слова», выделяя и описывая характерные особенности слов данной группы. На основании анализа устной и письменной молодежной речи, а также обращения к толковым и некоторым другим словарям русского языка устанавливается, что одной из причин отнесения упомянутых лексем к «модным словам» можно считать постоянную потребность говорящих в обновлении средств речевой экспрессии.

Ключевые слова: русский язык, молодежная речь, модные слова, средства речевой экспрессии, атмосферно, феерично, эпично, лампово.

Abstract

The article deals with the key stages of the semantic extension and the extension of syntagmatic bonds of the lexemes "атмосферно", "феерично," "эпично" and "лампово" in Modern Russian language. Drawing on the experience of predecessors the author develops the "buzzwords" concept, marks out defining characteristics of this group and describes them. By virtue of the analysis of oral and written youthspeak and the applying to defining Russian dictionaries it is established that one of the reasons for classifying the lexemes mentioned above to the "buzzwords" group can be a constant need of speakers to update means of speech expression.

Key words: Russian language, youthspeak, buzzwords, means of speech expression.

Молодежный сленг, по мнению исследователей, представляет большой интерес для изучения, т.к. он не только реализует коммуникативную и контактоустанавливающую функции, отражает реалии молодежного мира, увлечения и образ жизни молодых людей, но и их мироощущение, ценностные ориентации. Важной особенностью молодежных субкультур, отмечает Анищенко О. А., является следование моде, которое не только проявляется в поведении и внешнем виде их членов, но и оказывает огромное влияние на речевую манеру и выбор слов. Именно использование в речи

«модных» слов позволяет индивиду почувствовать себя частью молодежного социума [Анищенко, 2010: 66-70; Крысин, 1989: 67; Успенский, 1985: 55–56]. Само понятие «модного» слова еще только начинает входить в научный оборот: оно, не до конца закрепившись в языкознании, рассматривается в небольшом количестве работ по лингвокультурологии и лексикологии, а его определение в большинстве случаев весьма расплывчато и условно. Одним из наиболее распространенных является понимание модной лексики как «особого рода новых слов и речевых конструкций, используемых для оказания впечатления осведомленности говорящего и для придания чему-либо образа важности, уникальности или новизны» [Википедия]. Как отмечает в одном из интервью Владимир Новиков, профессор кафедры литературно-художественной критики МГУ, лингвист и писатель, автор «Словаря модных слов» — первого в России опыта научно-художественного описания современной речевой моды, «модные слова — это слова, в которых внешнее преобладает над внутренним; это динамика жизни» [Новиков – электронный ресурс].

Сегодня очень часто можно услышать от молодых людей, «жаждущих выделиться своей похожестью на остальных» [Малкин – электронный ресурс], такие оценочные фразы: «*Атмосферная музыка*», «*В кафе очень уютно, лампово*», «*Это было феерично!*», «*Эпичный фильм*». Эти слова как-то незаметно получили распространение в молодежной речи и сейчас уже никого не удивляют, однако объяснить их происхождение, а зачастую и значение, может далеко не каждый. Именно поэтому, на наш взгляд, они и представляют интерес для исследования.

В ходе исследования был проведен специальный опрос, целью которого было выяснить, как часто испытуемые встречают и употребляют в речи интересующие нас слова и какой смысл вкладывают в них. В опросе приняло участие 70 человек в возрасте от 17 до 30 лет, среди которых были школьники, студенты и молодые люди различных профессий: филологи, математики, юристы, рекламодатели и др. Результаты опроса легли в основу

анализа, а также дали возможность получить более полную и наглядную информацию о процессах, происходящих в разговорной речи молодежи. Подчеркнем, однако, что при рассмотрении отмеченных слов нам пришлось опираться в большей степени на сетевые источники (социальные сети, интернет-форумы, где упомянутые модные слова используются особенно часто), в меньшей – на собственные наблюдения. Что касается словарей молодежного сленга, то они, по понятным причинам, просто не успевают оперативно реагировать на такие новые употребления.

Поиск слов с интересующим нас значением в устном, основном и газетном подкорпусах НКРЯ (Национального корпуса русского языка) вывел нас на контексты, которые соответствуют исключительно традиционным значениям, закрепленным в толковых и энциклопедических словарях (а именно: *атмосферный* - «связанный с газообразной оболочкой Земли» [МАС 1999 Т.1: 50], *ламповый* - «действующий с помощью электронных ламп» [МАС 1999 Т.2: 163], *фееричный* - «сказочный, волшебный» [МАС 1999 Т.4: 557], *эпичный* - «величаво-спокойный, бесстрастный» [МАС 1999 Т.4: 764-765]).

Итак, предметом анализа стали слова *атмосферно*, *лампово*, *феерично* и *эпично*, а его материалом – молодежная речь, как устная, так и письменная. Целью же исследования было выяснить, в каких ситуациях молодые люди используют данные слова, какой смысл в них вкладывают и какую оценку дают предметам и явлениям, описываемым с их помощью.

Модные слова проникают в нашу речь самыми разными способами.

Например, в случае со словом *атмосферно* можно говорить о расширении значения слова: так, все толковые и энциклопедические словари соотносят слово *атмосферный* с «атмосферой» в значении «газообразная оболочка Земли». Очевидно, что со временем у говорящих появилась необходимость описания предметов и явлений, создающих атмосферу в значении «окружающие условия, обстановка» и соответствующих ей.

Заметим, что переносное значение прилагательного *атмосферный* отмечается в словарях.

Так, например, в словаре Ушакова [Ушаков 1994 Т.1: 68] слово «атмосферный» приводится как «прил. к атмосфера в 1 и 4 знач.»:

АТМОСФÉРА (атмóсфера неправ.), атмóсфэры, жен. (от греч. *atmos* - дыхание и *sphaîra* - шар).

1. только ед. Воздушная оболочка, окружающая землю (ест.). || Газообразная оболочка, окружающая некоторые планеты (астр.). Атмосфера Марса.

2. только ед. Воздух (разг.). В атмосфере чувствовалось приближение грозы. В комнате спертая атмосфера. Тухлое мясо отравляет атмосферу.

3. перен., только ед. Окружающие условия, моральная обстановка. (*книжн.*). Столичная атмосфера. Вокруг этого дела необходимо создать атмосферу сочувствия.

4. Единица для измерения давления газообразных тел, равная 1,033 кг или 1 кг на 1 см (физ., тех.).

Т. Ф. Ефремова же в своем словаре [Ефремова 2000: 51] соотносит *атмосферный* с «атмосферой» в переносном значении: «окружающая обстановка, условия, обстоятельства, психологический климат, в котором происходит, протекает что-либо». Обращаясь к словарю сочетаемости [Словарь сочетаемости 2002: 29-30], мы обнаруживаем, что *атмосфера* в переносном значении может свободно употребляться как со словами, дающими положительную оценку чему-либо (*приятная, дружеская, спокойная атмосфера*), так и со словами с негативным оттенком значения (*накаленная, напряженная, тягостная атмосфера*). Однако образованные от существительного прилагательное и наречие, получившие в последнее время распространение в молодежной речи, используются преимущественно с положительной коннотацией, что отмечается и самими говорящими. Так, по результатам опроса видим, что 95,1% говорящих используют слова *атмосферный, атмосферно* с положительным оттенком значения и лишь

4,9% - с негативным. Один из примеров современного словоупотребления данной лексемы: «Вот я и добралась до выставки «От Моне до Сезанна». Очень *атмосферно*, музыка завораживает. Мозг уехал в отпуск, а душа радуется».

Теперь рассмотрим слова *фееричный* и *эпичный*. На их примере особенно ярко просматривается желание молодежи выразиться необычно и остроумно. Для начала обратимся к «Словарю синонимов русского языка» [Словарь синонимов 1975 Т.2: 846]. В нем слово *фееричный* соотносится с прилагательными *дивный, чудный, волшебный, сказочный, фантастический*, которые «поражают, удивляют своей красотой, прелестью, своим величием, роскошью». В БАС также находим толкование: «Представляющий собой необыкновенное, фантастическое зрелище». Можно заключить, что слово «фееричный» используется говорящими преимущественно для описания каких-либо сказочных, волшебных предметов или явлений с целью выделения их из ряда подобных. Найденные примеры словоупотребления показывают, что большая часть молодежи действительно использует данное слово относительно каких-либо нетривиальных событий или вещей («А мы сегодня смотрели Лопаткину в балете «Анна Каренина». Просто *феерично!*»). Но в то же время довольно часто можно встретить и такие случаи, когда *феерично* употребляется по отношению к обыденным явлениям с целью привлечения внимания окружающих (комментарий к фотографии, на которой изображен обед в ресторане и счет за него: «Роллы, шоколад, деньги. *Феерично*»). Также, по нашим наблюдениям, использование данной лексемы может быть реакцией на необязательно положительно оцениваемое событие. Иногда это является символом скрытого возмущения по поводу чьих-то действий, призванным замаскировать истинную негативную оценку говорящим кого- или чего-либо.

Похожий процесс наблюдается и относительно слова «эпичный». Так, в БАС, помимо значений «величаво-спокойный, бесстрастный» и «соотносимый с эпосом», мы находим: «преисполненный значительности,

героизма», «отличающийся значительностью, величием». Именно за них, на наш взгляд, «цепляется» мысль говорящего при выборе лексемы, и именно последние два значения на сегодняшний день преобладают в речи молодежи. И, как и в случае со словом *феерично*, говорящие пытаются расширить сочетаемость лексемы, и вот уже *эпично* употребляется со словами, не обозначающими ровно ничего «величественного» или «героического». Если раньше *эпичными* были произведения литературы и сражения, то сегодня – *концерты, виды, прогулки* (например, «*эпичный* чай» - о чаепитии на открытом воздухе). Также в качестве ответа на один из вопросов, представленных в опросе, мы получили следующее «бытовое» толкование лексемы *эпичный*: «По-простому – это крутой, прикольный, а *по-правильному* – *эпичный*». Здесь в употреблении данного слова проявляется некий элемент престижности, «учености», которым, по нашему мнению, и руководствуется молодежь при выборе лексем.

Также весьма любопытным нам представляется слово *ламповый*. Появившееся в области физики и соприкасающееся с музыкальной сферой, оно довольно быстро вышло за их пределы и укоренилось в молодежной речи в качестве характеризующего явления и предметы как «нечто комфортное, уютное». Можно предположить, что в развитии семантики данного слова определенную роль сыграл неявный, но достаточно очевидный, как кажется, ассоциативный ряд: «лампа в доме – уют, комфорт». Однако в данном случае возможность опереться на словари отсутствует. Не исключено, что в молодежный сленг новый оттенок значения слова *ламповый* пришел из области музыки. Знатоки утверждают, что спектр сигнала, получаемого при помощи транзисторных усилителей на радиолампах, характеризуется небольшим количеством гармоник, «из-за чего наблюдается более «мягкий», или как его часто называют – «теплый», «ламповый» звук» [Википедия]. Эстетическая точка зрения относительно преимущества ламповой аппаратуры возникает на основе высказываний и оценок людей с особыми музыкальными пристрастиями, особым «звуковым опытом».

Характеристика лампового звука как «мягкого, теплого» трансформировалась в «комфортный, уютный» и обрела новую жизнь в разных сферах деятельности людей: *ламповый вечер, ламповый фильм, ламповый кот, ламповое кафе* и др. («*Ламповый* вечер» – о вечере настольных игр, проведенном с друзьями; «Теплый *ламповый* парк Горького» – о прогулке). Следует отметить, однако, что и первоначальное значение данного слова еще не утрачено: говоря *ламповый звук*, ценители и знатоки, как правило, подразумевают не «душевный» концерт, а непосредственно особый и, видимо, очень характерный сигнал транзистора на радиолампах. Наблюдения за речью молодежи и употреблением ими слова *ламповый* позволяют предположить появление в его значении некоего ностальгического компонента, связанного с отсылкой к прошлому, когда радиоприемники и телевизоры также были ламповыми (подпись к фотографии, изображающей *деревянные* полы в вестибюле метрополитена: «Модернизация пола вестибюлей метро. Нанотехнологии, видимо. Теперь теплый, *ламповый*, деревянный»).

Таким образом, на примере слов *атмосферно, лампово, феерично* и *эпично* можно увидеть, как происходит развитие, полное или частичное изменение семантики слова, нейтрализация одних сем и выведение на первый план других путем погружения слова в новый, непривычный контекст. Общеизвестна и очевидна потребность говорящих, молодежи – в особенности – в обновлении средств речевой экспрессии, максимальном воздействии на слушающих, а также полноте передачи информации.

Весьма вероятно, что в ближайшее время эти слова покинут лексикон молодежи, так как вложенная в них семантика оценки утратит свою свежесть и яркость. Мода, как известно, очень переменчива. На все – в том числе и на слова.

Литература

Анищенко О. А. Генезис и функционирование молодежного социолекта в русском языке национального периода: монография. – М.: Флинта: Наука, 2010.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989.

Ламповый звук // Web-энциклопедия Википедия. – [Электронный ресурс]. URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Ламповый_звук.

Малкин Г. Камешки преткновения. – [Электронный ресурс]. URL:http://aforism.chat.ru/MALKIN/malkin_14c.htm.

Новиков В. «Надеюсь, что слово «быдло» уйдет из языка навсегда». <http://theoryandpractice.ru/posts/3378-lingvist-vladimir-novikov-nadeyus-что-слово-bydlo-uydet-iz-yazyka-navsegda>.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII - начала XIX века. – М., 1985.

Словари

Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона. Более 6000 жаргонизмов. – М.: Эксмо, 2006.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000.

Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга. – М.: Гранд Фаир-пресс, 2003.

Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга: слова, непонятные взрослым: около 2000 слов. – Москва: Астрель АСТ, 2006.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. *А. П. Евгеньевой*. - 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

Словарь синонимов. Справ. пособие /Сост. *Л. П. Алекторова, С. Л. Баженова, З. Т. Короткевич* и др.; Ред. *А. П. Евгеньева*.– Л.: Наука, 1975 .

Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965 (БАС).

Словарь сочетаемости слов русского языка. – 3-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Сост. *В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин* и др.; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Русские словари, 1994.

Щуплов А. Н. Жаргон-энциклопедия современной тусовки. – М.: Колокол-Пресс, 1998.

Лингвистические механизмы дискредитации религиозной лексики в толковом словаре

Аннотация

Статья посвящена особенностям представления религиозной лексики в толковом словаре советской эпохи. На материале толкований словаря С. И. Ожегова 1953 года издания выявлены основные способы идеологической дискредитации общеупотребительных слов, связанных с религиозным дискурсом, среди которых выделены: использование модальных частиц, особых видов словарных помет, создание определенных «ограничительных зон» словарной статьи, употребление эмоционально-оценочной лексики, а также кавычек.

Ключевые слова: религиозная лексика, дискредитация, десакрализация, словарное толкование, словарная помета, эмоционально-оценочная лексика.

Abstract

The article is devoted to the specifics of the representation of religious vocabulary in an explanatory dictionary of the Soviet era. The analysis of the interpretations presented in 1953 edition of S. I. Ozhegov's dictionary revealed the basic ways of ideological discrediting of common words associated with religious discourse, among which the following were outlined: the use of modal particles, specific types of context labels, certain "limitation areas" of the dictionary entry, emotional and evaluative vocabulary, as well as the use of quotation marks.

Key words: religious vocabulary, discreditation, desacralization, vocabulary interpretation, vocabulary labels, emotional and evaluative vocabulary.

Лексикографическая интерпретация лексических единиц не может не фиксировать идеологию соответствующей моменту создания словаря эпохи, поскольку «словарь – это долговременная память народа об этом мире, об этапах развития культуры и о ее ликах на определенном историческом этапе» [Денисова 2000: 81]. В данном контексте приобретает особую значимость изучение толкового словаря как идеологически одобренного способа репрезентации понятия, стоящего за той или иной лексемой [Купина 1995].

Особенно ярко идеологизация понятийной сферы или фрагмента картины мира отразилась при лексикографической интерпретации религиозной лексики в толковых словарях, изданных в советские годы. Религиозное мировоззрение в ту эпоху противоречило официальным идеологическим установкам, поэтому подвергалось десакрализации в том числе и на языковом уровне различными способами: «запретом или дискредитацией религиозно-церковной лексики, извращением семантики,

понижением ее статуса на аксиологической шкале <...>. Функцию дискредитации религиозной лексики с самого начала взяла на себя советская лексикография» [Скляревская 2012: 36-37]. Статус религиозной лексики в советских толковых словарях двойствен: с одной стороны, она необходима, поскольку многие лексемы закреплены в массиве текстов классической литературы и изъять их не только из словаря, но и из языкового сознания невозможно, но с другой – за ними стоят неодобряемые идеологическим контекстом установки. Именно поэтому в толкованиях данных языковых единиц активно используются различные способы дискредитации их денотативного значения.

Материалом данного исследования послужил сопоставительный анализ значений слов лексико-семантического поля «православие», представленных в двух изданиях «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова (1953 и 1991 гг.). Для анализа были выбраны такие единицы, как «молитва», «ангел», «рай», «икона», «Бог», «апостол», «пророк» и др., которые не относятся к специфическим для религиозного дискурса, входят в «лексический минимум» носителя языка, имеют переносные значения и активно используются в разных, не только религиозных, текстах.

Сопоставляя словарные толкования лексем, относящихся к сфере религиозного, нами был обнаружен целый ряд лингвистических способов дискредитации предметно-идеологического содержания лексем. Первым способом является использование модальной частицы *якобы*. Например, в толкованиях слов «ангел» (в первом значении: «В религиозной мифологии: сверхъестественное существо, **якобы** действующее по воле бога»), «рай» («В религиозно-мистических представлениях: место, где **якобы** души умерших «праведников» ведут блаженное существование») и «Бог» («По религиозно-мистическим представлениям: мифическое верховное существо, **якобы** управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ»). Эта модальная частица относится «Русской грамматикой» к «сфере характеристик сообщаемого со стороны его свойств, качеств, всегда сочетающиеся с эмоциональной реакцией значения высокой степени признака» [Русская грамматика 1980: 974]. Примечательно, что в самом толковании слова *якобы* в словаре С. И. Ожегова (1953) ярко представлен его прагматический и оценочный потенциалы: «1. союз. Употр. в знач. союза «что» для выражения неуверенности или недостоверности (устар). Говорят, **якобы** он уехал. 2. частица. Употр. перед словом для выражения мнимости, в

знач. как будто, будто бы». Примечательно, что слово *якобы* отсутствует в соответствующих статьях этого же словаря позднего издания (1991 г.), однако в остальном толкования сохраняются или конкретизируются: «Ангел,- а, м. 1. В религиозных представлениях: сверхъестественное существо, служитель бога и его посланец к людям (изображается крылатым отроком, юношей)», «Рай, -я, о рае, в раю, м. 1. В религиозных представлениях: место, где души умерших праведников пребывают в вечном блаженстве», «Бог [бох], бога [г и h], мн. Боги, -ов, зв. Боже, м. В религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ».

Вторым средством дискредитации религиозной лексики является активное использование различных словарных помет. Среди помет-маркеров нами выделяются две основные группы:

1) хронологические пометы, например, помета «устар.» в толковании слова «ангел» или «молитва» («Моление, религиозно-мистическое обращение с просьбами о чем-н. к богу, к святым (устар.)»), а также помета «стар.» в дефиниции лексемы «пророк» («В религиозно-мистических представлениях: истолкователь воли божества, богов, предсказывающий будущее. // ж. пророчица, -ы (стар.)»). Эксплицитно представленная в данных пометах информация о неактуальности соответствующих смыслов служит социально одобренным коммуникативным ориентиром для адресата словаря;

2) эмоционально-оценочные пометы, например, в переносном значении слова «апостол»: «2. Перен. Последователь и распространитель какой-н. идеи (книжн. ирон.)». Использование пометы «ироничное» при толковании религиозной лексики в целом говорит о ее десакрализации.

Третьим способом дискредитации религиозной лексики можно считать включение некоторых «ограничительных зон» в толкование соответствующих лексем. Такие «ограничительные зоны» представляют собой слово или словосочетание с предлогом «в», репрезентирующие ареальный параметр словарной дефиниции, открывающие описание лексемы, отделяющиеся двоеточием и указывающие на сферу бытования этой лексемы. Например, «Пророк, -а, м. **В религиозно-мистических представлениях:** истолкователь воли божества, богов, предсказывающий будущее», «Молитва, -ы, ж. 1. **У верующих:** установленный текст, читаемый при обращении к богу, к святым», «Ангел, -а, м.1. **В религиозной мифологии:** сверхъестественное существо, якобы действующее по воле

бога», «Апостол, - а, м. 1. **В христианской мифологии:** ученик мифического Христа, распространитель его учения». Использование лексемы «мифология» в данных «ограничительных зонах» наблюдается не только в прямом значении (как «древнее сказание»), но и в переносном («о недостоверном рассказе») наводит определенную оценочность, способствующую дискредитации соответствующих понятий.

Четвертым способом дискредитации религиозной лексики является использование экспрессивно-оценочной лексики в толкованиях. Они могут содержаться как в самой дефиниции («Бог [бох], - га, [ha], м. По религиозно-мистическим представлениям: **мифическое** верховное существо, якобы управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ»), так и в речениях и цитатах иллюстративного материала словарной статьи: «Пацифисты – **незадачливые** апостолы мира», «Буржуазная демократия – рай для богатых, **рабство** для народа». Для дискредитации слов, связанных со сферой религиозного, используются лексемы, выражающие недоверие («мифический») или неодобрение, а также исключительно негативную оценочность.

Помимо лексических средств дискредитации, в «Толковом словаре» 1953 года используются и графические, как например, использование кавычек. Так, в толковании слова «рай» закавычено слово «праведников»: «В религиозно-мистических представлениях: место, где якобы души умерших «праведников» ведут блаженное существование». Такой способ дискредитации лексемы «праведник» не только выражает ироническое отношение к соответствующему явлению, но и служит указанием на принадлежность лексемы к чужой для говорящего идеологии [Зализняк 2007].

Подводя итог, заметим, что религиозная лексика и использующий ее религиозный дискурс активно дискредитируются толковым словарем советской эпохи. Для этого используется целый арсенал различных способов, среди которых можно назвать: использование частицы *якобы*, включение особых типов словарных помет, актуализация лексем с негативной оценочностью и употребление кавычек. Такие словарные статьи часто включают особую зону, в которой содержится указание на различные ареалы бытования лексемы, то есть на «чужие дискурсы».

Денисова М. А. Словарь как связь слов с жизнью // Русский язык в школе. - 2000. - № 1. - С.81-86.

Зализняк А. А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара «Диалог'2007» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. - М., 2007.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. - Екатеринбург-Пермь, 1995.

Русская грамматика. Т. 1 / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). - М., 1980.

Скляревская Г. Н. Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Том 11. Выпуск 9. Филология. С. 36-40.

Лексико-семантическое поле «сладкое» в зеркале языковой игры

Аннотация

Слова лексико-семантического поля «сладкое» активно используются для создания разных видов языковой игры. Самым распространенным способом является формирование особых «смысловых зон», в которых тема сладкого соотносима с рядом типичных экстралингвистических ситуаций и характерными для их репрезентации словами других лексико-семантических полей. Среди таких «смысловых зон» нами выделяются «детство», «положительные эмоции», «похудание» и «любовь».

Ключевые слова: лексема, лексико-семантическое поле, языковая игра, «смысловая зона».

Abstract

Words of the lexical-semantic field "sweet" are actively used to create different types of language game. The most common method is the formation of special "semantic zones," in which the theme of sweet is correlated with a number of typical extralinguistic situations and the words from other lexical-semantic fields characteristic for the representation of such situations. Among such "semantic zones" we distinguish "childhood", "positive emotions", "weight loss" and "love".

Key words: lexeme, lexical-semantic field, language game, "semantic area".

Языковая игра во все времена привлекала интерес не только носителей языка, но и исследователей своей нестандартностью, возможностью проведения своеобразного «лингвистического эксперимента». Этот «лингвистический эксперимент», по мнению Л. В. Щербы, позволяет значительно расширить возможности языка и раздвинуть рамки языковой системы. Впервые термин «языковая игра» упомянут Л. Витгенштейном, который дал определение «языковой игры» как особого способа манипулирования языком [Витгенштейн 1994: 10]. Многие лексикологи и лексикографы отмечают, что в современной языковой ситуации важное место занимает стремление говорящих к активизации собственного творческого потенциала посредством создания различных видов

обыгрывания языковых единиц (В.С. Елистратов, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, В.М. Мокиенко, Р.И. Розина, В.З. Санников).

Предметом нашего внимания стали шутки и афоризмы, найденные нами на различных сайтах в Интернете, в которых обыгрываются единицы лексико-семантического поля «сладкое». Также в нашу картотеку примеров вошли подписи к демотиваторам, представленным в различных сообществах социальных сетей «ВКонтакте» и «Facebook». В данном случае все языковые факты мы относим к современному фольклору, поэтому опустим паспортизацию собранных нами примеров.

При анализе собранного языкового материала нами выделены четыре основные смысловые зоны, которые по-разному интерпретируют слова ЛСП «сладкое».

Первая группа языковых фактов вербализует представление о сладостях как атрибуте детства. Например, «В доме, где есть дети, чисто может быть только в вазочке с **конфетами**». Чаще всего в таких контекстах выступает лексема «конфета»: «С дочкой (2 года) пошли в поликлинику проверять слух. Врач шепотом: «**Конфета**». Дочь тоже шепотом: «Где?». Любовь детей к сладостям обыгрывается и в шутке: «Белый **шоколад**. Чтобы негритянские дети тоже могли испачкаться». Таким образом, через языковую игру наблюдается сближение ЛСП «сладкое» и ЛСП «детство».

Помимо слов «конфета» и «шоколад», представляемых как излюбленные детские сладости в шутках, а следовательно, и в языковом сознании носителей языка, в подобные отношения включается также лексема «варенье». При этом за ней стоит прецедентная ситуация непослушания, когда дети без разрешения залезают в буфет и едят это лакомство (ср. сказку Л. Кэррола «Алиса в Стране чудес», где героиня находит банку с «апельсиновым вареньем / джемом» (в пер. Б. Заходера) или «клубничным вареньем» (в пер. В. Набокова), а также фильм «Королевство кривых зеркал», при том что в тексте сказки В. Губарева девочка Оля ест без спроса не варенье, а шоколад из буфета и др.). Такое представление о сладком как о

чем-то желанном, но запретном для детей, поэтому провоцирующем их на непослушание и нарушение запрета, представлено в анекдоте: «Спрашиваю дочку, кто **варенье** на балконе разбил. Она отвечает: «Наверное, папа... лучонками своими поганькими».

На представлении о сладком как о неотъемлемом атрибуте детства строится следующая шутка в известном демотиваторе: «Считаешь себя взрослой, разумной и самостоятельной, а потом попадаешь в **кондитерскую** и все: «Привет, мне 5 лет». Грамматические категории в данном примере указывают на то, что субъектом речи выступает лицо женского пола, таким образом, помимо детей, любителями сладкого выступают женщины. О том, что такое представление не характерно для мужчин, свидетельствует следующая шутка: «– Любишь **сладкое**? – Люблю! – *Не по-мужски*». Таким образом, налицо формирование определенного стереотипа о том, что сладкоежками мыслятся скорее женщины и дети, чем мужчины.

Вторая смысловая зона, соотносимая с ЛСП «сладкое», связана с эмоциональной сферой: сладости здесь представляются как источник приятных ощущений, положительных эмоций. Шоколад и конфеты в шутках выступают как один из самых распространенных видов антидепрессантов, например, «**Шоколад** компенсирует несовершенство этого мира»; «– Знаешь, что всегда утешит меня? – Что? – Мои лучшие друзья! **Конфеты!**»; «– Когда у меня стресс, я ем **конфеты**. – Ты всегда их ешь. – Согласна, жизнь помотала»; «Если женщина расстроена – обнимите ее и скажите, как она прекрасна. Если начнет рычать – отойдите от нее на безопасное расстояние и бросайте в нее **шоколадом**». Помимо конфет и шоколада в таком контексте может использоваться лексема «мороженое»: «Мне так мало нужно для счастья – одно шоколадное **мороженое**». С данной лексемой также связано представление о беззаботном детстве, поскольку оно считается одним из любимых детских лакомств (ср. «В 7 лет для счастья хватало **мороженого**. А сейчас со счастьем сложнее: нельзя купить людей в магазине»).

Часто в шутках лексемы ЛСП «сладкое» вступают в контекстуальную синонимию с лексемами ЛСП «алкоголь», с которыми тоже связано представление об улучшении настроения: «Британские ученые установили, что **шоколад** поднимает настроение. – Они, наверное, еще **водку** не пробовали», «В **шоколаде** содержатся вещества, помогающие при депрессии, и это доказано. Я же предпочитаю виноград, старый разлитый по бутылкам виноград». За перефразом «виноград, разлитый по бутылкам» стоит лексема «вино». В рассмотренных примерах наблюдается параллелизм представлений о том, как на организм влияет сладкое и алкоголь.

Третья смысловая зона, в которую включаются слова ЛСП «сладкое», связана с диетами, борьбой с лишним весом. Например, «Помните, в детстве родители говорили: «Не ешь много **сладкого**, попа слипнется»? А надо было говорить правду, что от **сладкого** попу-то разнесет». В таких шутках обычно сближаются слова ЛСП «сладкое» и ЛСП «мучное»: «Мое стройное тело унесло бурное **печенье**». Сладкое и мучное обыгрываются как продукты, вредящие стройной фигуре: «Бесит, когда царскую натуру приходится ограничивать в **кренделях сахарных**, дабы летом телеса из-под платьев не вываливались», «**Печеньки-весы-печалька**». В такую языковую игру часто вовлекаются различные прецедентные выражения, например, «эффект бабочки»: «Если ты не позволишь себе съесть **конфету**, то через неделю ты сожрешь целый **торт**. Это называется эффект жирной бабочки». Слова ЛСП «сладкое» в подобных шутках получают наводимые контекстом семы «запрещенное», «вредное»: «**Шоколад** вдвойне вкусней, если на ночь и нельзя». В шутке «**Шоколад** снимает пресс» комический эффект создается при помощи наложения двух слов созвучных «стресс» – «пресс» и подмены одного другим в пределах расхожего выражения. Часто в подобных примерах происходит также сближение лексем, называющих сладкое, с лексемами ЛСП «похудание», например, с глаголом «худеть» или существительным «диета»: «← Папа, а почему **конфеты** заворачивают в такие шуршащие

фантики? – Чтобы, сынок, весь дом слышал, как мама худеет», «К черту диету, хочу **шоколадный шоколад с шоколадом** внутри».

Большинство шуток, обыгрывающих сладкое как вредный продукт, строится с использованием лексем «конфеты» и «шоколад». Что касается лексемы «шоколад», то в таких примерах подчеркивается как его польза («для ускорения работы мозга»), так и вред (приводит к лишнему весу): «Не забывайте, что прием **шоколада** для ускорения работы мозга эффективен, только когда есть че ускорять, иначе можно остаться тупым и жирным» или «Когда я ему **шоколад**, мысленно оправдываюсь, что будет мегамозг. А получается только мегазад».

И наконец, четвертая смысловая зона, соотносимая с лексемами ЛСП «сладкое», связана с эмоциональной сферой человека. Обычно взаимосвязь сладостей, например, в качестве подарков, и проявления чувств активно используют в рекламе (например, «Рафаэлло» - «Если дарить, то самое лучшее» и др.). Так, лексема «шоколад» получает дополнительное значение: «атрибут выражения любви»: «Маленькая девочка спросила своего брата: – Что такое любовь? – Это когда ты каждый день ворует из моего портфеля **шоколад**, а я продолжаю класть его на то же самое место». В других контекстах сладости представляют тему романтических отношений – как подарок для девушки: «Набор джентльмена: цветы (1 шт.), **шоколад** (1 шт.), обещания, которые никто не собирается выполнять (бесконечность)». В целом слова ЛСП «сладкое» часто выступают репрезентантами темы любовь: «Ты так **сладко** врал, а я, **сладкоежка**, верила», «Женщина должна быть как **мед**. С одной стороны – мягкая и **сладкая**. С другой – влип так влип», «Психологи утверждают, что пристрастие к **сладкому** бывает от недостатка **любви**. Ясно все со мной».

Помимо рассмотренных способов, нами обнаружены отдельные любопытные примеры шуток, которые построены на обыгрывании фразеологизмов, содержащих слова ЛСП «сладкое». Так, в примере «– Какие **сладости** вы больше всего любите? – Сон. Я бы его в чай добавлял» -

буквализируется значение фразеологизма «сладкий сон», а в шутке «Я, конечно, не зефир, но тоже не против побывать в **шоколаде**» – наоборот: свободное словосочетание «зефир в шоколаде» трансформируется во фразеологически связанное «побывать в шоколаде». Иногда источником языковой игры может стать антонимическое противопоставление, как во фразе: «– Почему у тебя выражение лица такое **кислое**? – Потому что мне нельзя ничего **сладкого**».

Слова ЛСГ «сладкое» активно используются в различных видах языковой игры. Основным способом ее создания является формирование «особых смысловых зон», в которых темы сладкого соотносятся с темами детства, похудания, положительных эмоций или проявлений любви. При этом сладости в шутках репрезентируются как одновременно вредное и полезное, обожаемое детьми и женщинами, а также как типичный подарок для выражения симпатии. Реже слова ЛСП «сладкое» обыгрываются в каламбурах, построенных на системных связях данных лексем.

Литература

Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М: Гнозис, 1994. – С. 75-319.

Особенности восприятия фразеологизмов учащимися 5-х классов

Аннотация

Статья посвящена изучению степени освоенности частотных фразеологических единиц школьниками 5-го класса. На материале ассоциативного эксперимента выделены основные закономерности восприятия идиом носителями языка в период формирования их культурно-речевой компетенции. Выявлено, что единицы, имеющие в составе устаревшие лексемы, чаще сохраняют идиоматичность, чем фразеологизмы, омонимичные свободным словосочетаниям.

Ключевые слова: фразеологизм, идиоматичность, фразеологическая компетенция, коммуникативная компетенция, явная агнонимия, скрытая агнонимия.

Abstract

The article examines the degree of mastery of high-frequency phraseological units by 5th grade students. Based on the material of an associative experiment, the authors outline the basic patterns in the perception of idioms by native speakers in the age that is formative for their cultural and speech competence. It is revealed that units which include obsolete lexemes preserve their usage as idioms more often than idioms homonymous to free phrases.

Key words: phraseological unit, phraseological competence, communicative competence, clear agnomy, hidden agnomy.

Фразеология занимает особое место в языковом сознании носителей языка, поскольку тесно связана с культурой народа и национально-культурными стереотипами [Телия 1996]. Поэтому невозможно представить себе хорошее владение нормами литературного языка без сформированной фразеологической компетенции [Баграмова, Джура 2015; Пугачева 2012].

Формирование фразеологической компетенции при изучении раздела «Лексика и фразеология» в 5 классе предполагает не только обобщение раннее полученного учащимися собственного языкового опыта, но и целенаправленную работу по расширению «фразеологического запаса» языковой личности.

Поскольку эффективность формирования фразеологической компетенции напрямую связана с особенностями восприятия тех или иных идиом, мы предприняли попытку экспериментального изучения механизмов восприятия фразеологизмов школьниками. Для данного исследования нами было отобрано 10 фразеологизмов: 5 с прозрачной семантикой («бросить перчатку», «гвоздь программы», «горе луковое», «как с гуся вода», «ни пуха ни пера») и 5 идиом, содержащих устаревшие слова и выражения («бить баклуши», «белены объелся», «ни зги не видно», «лезть на рожон», «попасть впросак»). В эксперименте приняли участие 64 ученика 5-х классов школ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, которым было предложено определить значения предложенных выражений. Данный эксперимент, с одной стороны, выявляет уровень фразеологической компетенции современного пятиклассника, с другой, анализ ответов, особенно неудачных, должен выявить пути оптимизации процесса обучения.

Согласно полученным результатам, самым известным и хорошо освоенным для школьников является фразеологизм «бить баклуши» («ничего не делать, бездельничать; без пользы, праздно проводить время»): 80% опрошенных верно определили значение, для 20% оно является агнонимом. Среди верных ответов встретились два: «валять дурака» и «заниматься ерундой». Примечательно, что ответ «валять дурака» показывает формирование в сознании школьников синонимических связей между фразеологическими единицами, причем обладающими общим эмоционально-оценочным потенциалом. Этот прием – включение фразеологизма в системные связи с другими, уже известными, идиоматическими выражениями – видится нам как удачный способ освоения данных языковых единиц. Из 20% ответов, демонстрирующих незнание или неточное знание фразеологизма участниками эксперимента, в 12% представлена явная агнонимия, когда вместо ответа дан пропуск или прочерк, и в 8% - скрытая агнонимия, когда дается неверное объяснение выражению: «прослушать», «драться», «ничего не видно», «топать на втором или третьем этаже, что весь

дом трясется». При попытке объяснить значение учащийся строит свою гипотезу от известного слова «бить» (в реакциях типа «драться») или от негативной коннотации как выражения, так и отдельной лексемы, поскольку описанные в ответах ситуации могут быть интерпретированы как нежелательные.

Фразеологизм «белены объесться» («обезуметь, одуреть») также вошел в круг наиболее понятных и известных для пятиклассников: 53% испытуемых дали верный ответ, к правильным ответам мы отнесли и обобщенные ответы типа «обнаглеть» (2) и «чепуха, глупость» (2). С нашей точки зрения, известность данного фразеологизма может быть связана с тем, что ребята читали «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, в тексте которой дается развернутая коммуникативная ситуация, иллюстрирующая принципы использования данного выражения в речи («Что ты, баба, белены объелась, ни ступить, ни молвить не умеешь?»). Для 14% опрошенных выражение оказалось явным агнонимом, для 32% - скрытым. Реакции, в которых дано неверное понимание выражения, можно условно поделить на 4 группы:

1. Ответ-ассоциация строится вокруг известного слова, в данном случае – «объесться», ответы типа: «объесться снегом» (лексема «белена» ассоциировалась с лексемой «белый», и школьник решил, что объесться чем-то белым, то есть снегом) или «объесться словами».
2. Ответ-ассоциация строится вокруг скрытого агнонима «белена», соотнесенного со словом «белый», на созвучии с которым строится семантический сдвиг в понимании значения устаревшего слова (ответ типа «зубы белые»).
3. Ответ-ассоциация строится на восприятии фразеологизма как свободного сочетания, ответы типа «объесться блинами» (на просодической соотнесенности лексем «белены» - «блины»).
4. Ответ-ассоциация апеллирует к личному опыту испытуемого, примеры типа «не понимает», «врет», «чрезмерная фантазия», «разгневанный

человек», «заставить другого работать и не заплатить». Причины подобных ассоциаций невозможно объяснить системными связями слов и для их установления необходимы уточняющие вопросы, не предусмотренные в нашем исследовании.

Дезориентирующим в случае агнонии фразеологизма может оказаться не только слово-агномим, но и многозначность известной лексемы в составе идиомы. Например, при определении значения выражения «ни зги не видно» («ничего не видно, непроглядная тьма») 50% ответивших верно определили значение («ничего не видно»). Высокую степень известности данного фразеологизма можно объяснить его относительной семантической прозрачностью для ребенка, потому что смысловую нагрузку несет на себе глагол «не видно» и усилительная частица «ни». 17% от ответа отказались, 33% участников эксперимента дали ответы: «ничего нет» (4), «не знать, где правда, где ложь» (3) «ослепнуть», «плохо видеть» (3), «когда человеку чего-то очень хочется, но ему и не светит», «ничего не делать», «не видно конца», «не наклоняйся», «ненавидеть», «класс тебя не видит», «отойди, не видно». Ответы, демонстрирующие скрытую агнонию фразеологизма, условно можно поделить на две группы: в первую отнести те, которые предполагают понимание известной лексемы «видеть» в прямом значении как «воспринимать глазами», и эти реакции соотносимы с верным пониманием фразеологизма; во вторую – с переносным значением «видеть» как «понимать», такие ответы уведут отвечающего на ложный путь.

Высокой степенью известности для школьников обладает фразеологизм «попасть впросак» («попасть в затруднительное, неловкое или смешное положение»). Оно известно 44% опрошенных, для 33% оно частичный агномим, для 23% - полный. Примечательно то, что в верных определениях учащиеся не только характеризовали значение, но и моделировали коммуникативные ситуации употребления этого выражения, например, в ответах «не можешь ответить на вопрос», «тупик» (8), «сделать неправильно» (4), «беда, неприятность» (3), «западня» (2). 19% от ответа

отказались, 37% - неверно понимают выражение (ответы типа «попасть в середину», «попасть в институт»). Агнонимия фразеологизма здесь может быть обусловлена агнонимией устаревшей лексемы в его составе.

Анализ ответов указывает на четкую закономерность: устаревшее слово в составе фразеологизма затемняет его смысл и формирует агнонимичность выражения в целом. Яркой иллюстрацией этого являются реакции школьников на фразеологизм «лезть на рожон» («предпринимать что-нибудь заведомо рискованное, обреченное на неудачу»). Для 39% учеников выражение понятно, нами зафиксированы даже ответы, в которых есть попытка восстановления этимологии выражения: «лезть на что-то острое», «острие ножа». Для 61% фразеологизм является агнонимом, к таким ответам мы отнесли: «лезть не в свое дело, мешать» (8), «врать» (4), «пытаться быть лучше, чем ты есть» (3), «не смочь что-то сделать» (2), «идти в разведку», «торопиться», «идти на конфликт», «идти на обиду». В данном случае, как и в рассмотренном выше, незнакомая лексема затемняет смысл фразеологизма, предположение о возможном значении выражения в целом соотносимо с негативной оценочностью известной лексемы («лезть» - разг., неодобр.)

Вопреки нашим ожиданиям, фразеологизмы, содержащие устаревшие слова, понятны современным пятиклассникам. Это может быть связано с частотностью таких идиом, контекстуальной поддержкой их значения и типичностью коммуникативных ситуаций, в которых они активно воспроизводятся. Идиоматичность как оторванность от конкретного значения слов-компонентов, которые, скорее всего, непонятны школьникам, реализуется в контексте и нивелирует агнонимии составляющих их лексем. Толкование устаревших слов-агнонимов целесообразно только в случаях, когда фразеологизм непонятен или неизвестен учащемуся, при этом восстановление «внутренней формы» или мотивации выражения, его образного потенциала, будет способствовать быстрому вхождению этой единицы в коммуникативную компетенцию обучающегося.

Результаты эксперимента показали парадоксальность ситуации: фразеологизмы, содержащие в себе устаревшую, вышедшую из употребления и часто непонятную школьникам лексику, в целом более освоены ими, о чем свидетельствует большое количество правильных определений, полученных в ходе опроса.

При определении значения выражения «ни пуха ни пера» мы обнаружили, что оно знакомо только 37% участников эксперимента, давших ответ «пожелание всего хорошего», трое из участников подобрали синоним «с богом». Среди ответов встретился вариант «к черту» (2), отражающий коммуникативно-речевую ситуацию использования фразеологизма. 27% - затруднились с ответом, для 36% фразеологизм оказался скрытым агнонимом: некоторые школьники восприняли его буквально как «пожелание чего-то плохого», «пожелание неудачи», «никакой добычи» или как описание ситуации отсутствия чего-либо: «ничего нет», «ничего не сделано». Подобные ответы показывают, что этот фразеологизм, несмотря на его активное использование в повседневном общении, плохо знаком школьникам, многие из которых склонны понимать его буквально.

Чаще всего у испытуемых вызывает затруднение объяснение тех фразеологизмов, для понимания которых требуется наличие определенных фоновых знаний, при том, что такие идиомы могут иметь довольно прозрачную внутреннюю форму. Так, только 34% пятиклассников верно определили значение фразеологизма «бросить перчатку», а для 66% он оказался непонятен. Большинство из них восприняли его буквально: «кинуть/бросить перчатку», «бросить какую-то вещь, предмет» (5), «бросить охапку дров», «бросить все на воздух». Самым популярным среди таких ответов стал «бросить дело» (7), также встречались такие ответы, как «сделать вывод» (2), «оставить человека одного» (2), «сделать пакость».

Совпадение фразеологизма по форме со свободным словосочетанием ведет к тому, что в сознании ребенка, не знакомого с переносным, омонимичным значением, такое выражение не имеет идиоматичности.

Например, фразеологизм «горе луковое», обладающий двумя значениями - «о незначительной для горя и плача причине» и «о незадачливом, невезучем или неумелом человеке», - верно определен только 2% участников эксперимента, ответивших: «человек неудачник», «постоянно попадает в беду», «неуклюжий»; для 45% это полный явный агноним, для 53% - скрытый, в ответах типа «плакать без повода», «горе, беда, огорчение» (9), «человек, который плачет» (5), «неудача» (3), «трудный, несносный человек» (3), «испорченный лук, из-за которого плачут», «человек – причина слез». Примечательно, что даже при неверном толковании отрицательная коннотация главного слова выражения «горе» задает соответствующий смысловой ориентир для реакций, содержащих исключительно негативную оценочность.

Активное употребление фразеологизма в речи и текстах СМИ формирует в сознании школьника представление о ряде типичных контекстов, однако это не всегда помогает им точно определить значение такого выражения. Например, фразеологизм «гвоздь программы» (в значениях «лучший номер, артист, производящий сенсацию» и «наилучшая программа чего-либо») для 20% школьников оказался явным агнонимом, а для 80% скрытым, среди таких реакций были «главный человек», «что-то интересное», «изнанка программы», «середина программы» и даже «Филипп Киркоров».

При объяснении фразеологизма «как с гуся вода» («совершенно безразлично, никак не действует на кого-либо» и «легко, быстро, бесследно исчезает, забывается и т.п. что-либо, кем-либо») выявлено, что для 22% школьников он является частичным агнонимом (это прослеживается в ответах типа «простое, легкое дело», «беда прошла мимо», «пронесло», «выйти из опасности без повреждений», «человеку все равно», «безнаказанность поступка»), для 78% полным, например, в реакциях «вода льется как с гуся», «быстро высох», «весь мокрый», «мокрый как гусь», «сделать добрый поступок», «в чем-то признаться и станет легче», «кто-то не

врет, не делает какие-то грешные дела». Самый популярный ответ был «глупый, непутевый, непонятливый человек» (9), обусловленный синтаксически связанным значением лексемы «гусь»: «3. только ед. Разг. О человеке, не вызывающем доверия; ненадежном, плутоватом, ловком». Этот и рассмотренные выше примеры показывают, что фразеологизмы с прозрачной внутренней формой либо абсолютно понятны ребятам, либо, наоборот, не имеют для них идиоматичности.

Подводя итог, отметим, что в целом фразеологическая компетенция современных пятиклассников довольно высокая. Однако примечательно, что фразеологизмы, содержащие в своей структуре агноним, в целом оказываются более понятны пятиклассникам и обладают идиоматичностью, в то время как выражения, состоящие из общеупотребительных слов, чаще воспринимаются как свободные словосочетания. В случае определения значения агнонимичных идиом ориентирами служат либо известные слова, либо просодические связи неизвестных лексем. В целом позитивным мы видим тот факт, что большая часть фразеологизмов воспринимается в их коммуникативной и прагматической соотнесенности.

Литература

- Баграмова Н. В., Джура Н. В.* Структура и место фразеологической компетенции в составе коммуникативной компетентности // The Emissia. Offline Letters Электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал). Ноябрь, 2015. URL: <http://www.emissia.org/offline/2015/2430.htm>. – [дата обращения 01.05.2016].
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. - М., 2005.
- Зуева Т. А., Плотникова Г. Н.* Формирование культурных и коммуникативных компетенций в процессе изучения русской фразеологии // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 1. – С. 217-222.

- Пугачева Л. С.* Формирование фразеологической компетенции иностранных студентов-филологов (на материале фразеосемантического поля «Деятельность человека»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб.: 2012.
- Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Языки русской культуры, 1996.
- Ушакова О. Д.* Почему так говорят: Фразеологический словарик школьника. - СПб., 2006.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. *А. И. Молоткова*. - СПб.: 1994.

Имя собственное в художественном пространстве повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»

Аннотация

В статье рассматривается место имен собственных в повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Онимы играют важную роль в лексической организации текста и содержат имплицитные смыслы, отражающие сущность героев.

Ключевые слова: имя собственное, оним, антропоним, мифоним, внутренняя форма слова, языковая игра, имплицитность.

Abstract

The article is devoted to the place of proper names in the story «Monday starts on Saturday» of A. and B. Strugatsky. Onyms play an important role in the lexical organization of the text and contain implicit meanings, which express the character's essence.

Key words: proper name, onym, anthroponym, mythic proper name, inner form of the word, language game, implicitness.

Повесть А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» давно стала классическим произведением отечественной литературы. Читатель буквально с первых страниц погружается в игровое пространство повести, в котором действует множество персонажей, а калейдоскоп их имен придает тексту неповторимое своеобразие. Имена собственные, созданные Стругацкими, являются ярким средством выразительности, они обрастают разнообразными ассоциативными связями, значимыми в лексической организации текста. Имплицитная информация кроется во внутренней форме имени собственного, в возникающих в тексте семантических и ассоциативных связях.

Каждый оним получает в тексте определенную эстетическую нагрузку, в ряде случаев играющую ведущую роль в характеристике персонажа. Имена собственные в фантастических произведениях, к которым относится и

повесть Стругацких, открывают особое пространство для функционирования имен собственных, поскольку авторы достаточно свободны в выборе приемов и средств создания художественного мира. В фантастическом произведении авторской задачей является создание иной, отличной от повседневной, действительности. Имена собственные являются средством репрезентации виртуальной реальности, помогают соотнести ее с действительностью по тому или иному признаку и детализировать художественный мир.

С помощью имен собственных автор может не только подчеркнуть отличительную черту героя, но и придать особый колорит создаваемой реальности.

Братья Стругацкие четко разграничивают миры повседневной действительности и фантастической реальности квазинаучного учреждения НИИЧАВО, создавая для каждого из них собственное ономастическое пространство. Онимы позволяют авторам детально структурировать пространство повести и отразить концепцию двоемирия на более глубоком уровне.

В повести «Понедельник начинается в субботу» представлен широкий культурный контекст, в ней упоминается большое количество реальных людей, внесших вклад в различные области науки и искусства: врач эпохи Возрождения Парацельс, французский естествоиспытатель Жорж Кювье, немецкий писатель Генрих Белль, американский поэт Уолт Уитмен, датский художник Херлуф Бидstrup, американский физик Роберт Ван де Грааф, советский композитор А.А. Крейн и др. Эти антропонимы образуют реальный фон воображаемого мира. Наряду с ними Стругацкие создают образы фантастического мира НИИЧАВО.

Один из представителей этого мира – Амвросий Амбруазович Выбегалло. Имя Амвросий имеет греческое происхождение со значением «бессмертный». Имя Амбруаз (Амбруазович) – французский вариант имени

Амвросий. Можно выделить три компонента семантики этого имени собственного [Деревяго 2008: 45]:

1 – денотативный (соотносится с денотатом, то есть предметом, типом, определяющим характер именованного) – **субъект, мужчина**;

2 – сигнификативный (соотносится с сигнификатом, то есть с тем обобщенным понятием, которое опосредованно воплощается в имени собственном) – **живое существо, человек**;

3 – прагматический (представлен бесконечным числом субъективных ассоциаций, возникающих на основе объективной информации о денотате) – *Амвросий Александрийский, Амвросий Медиоланский, Амвросий Оптинский и т.д.* Основные ассоциации, возникающие в сознании читателя: **епископ, архимандрит, иеромонах**. В России так чаще всего называли монахов.

Стругацкие точно выбирают имя для своего персонажа. Он представляет собой сатирическое изображение псевдоученого, который практически ничего не знает, однако уверенно владеет «идеологически правильной» терминологией и умеет создать себе имя в прессе. Вероятно, значение имени «бессмертный» предупреждает читателей о том, что такие люди, несмотря на свою бесплодность, всегда занимают определенное место в мире.

Фамилия Выбегалло составлена из экзотического для русских фамилий окончания на -лло и корня глагола «выбегать». Эта фамилия для русского читателя звучит комически, возникает ассоциация с «Пошехонскими рассказами» М.Е. Салтыкова-Щедрина, где есть персонаж по фамилии Язвилло. В повести Выбегалло постоянно суется, бежит, пытается сделать какое-либо научное открытие, что в полной мере соответствует его фамилии. Особая комичность образа Выбегаллы создается его неиссякаемыми французскими фразами, которые являются цитатами из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Особенно примечательна фраза: *Ля вибрасьен са моле гош этюн гранд синь! (Дрожание его левой икры есть великий признак!)*, которая является искаженной цитатой из романа «Война и мир»:

«*La vibration de mon mollet gauche est un grand signe chez moi*» (Дрожание моей левой икры есть великий признак), – так говорил в романе Наполеон Бонапарт. В повести эти слова Выбегалло обращает к созданному им кадавру, который только и делал, что ел, а потом лопнул от огромного количества пищи.

Другой показательный антропоним – Модест Матвеевич Камноедов. В НИИЧАВО этот герой занимает место заместителя директора по административно-хозяйственной части. Имя Модест происходит от латинского слова *modestus* и означает «скромный». Отчество Матвеевич переводится с древнееврейского языка как дар Яхве, божий человек. Устаревшая форма имени Матвей – Матфей является прямой отсылкой к имени одного из евангельских апостолов. При создании этого имени Стругацкие, вероятно, руководствовались тем, что «имя собственное может быть переведено и внушает разные идеи, и это свойство следует использовать в тексте» [Бондалетов 1983: 87].

Камноедов буквально – это тот, кто ест камни, т.е. всеядный человек. Фамилия точно отражает личность Модеста Матвеевича, который пытается контролировать все и всех в НИИЧАВО. Он постоянно ходит недовольный и угрюмый, его любимая фраза, которую часто цитируют другие герои: «Вы мне это прекратите!». Фамилия Камноедов никак не соотносится с именем и отчеством, что придает некоторую оксюморонность антропониму.

Приведенные выше антропонимы обыгрываются Стругацкими в тексте повести:

– *Выбегалло забегалло?*

– *Забегалло, – сказал я.*

Этот микродиалог подтверждает, что в имени собственном «проявляется существенная черта объекта номинации, которая в большей степени характеризует его» [Фомин 2004: 109]. Стругацкие показывают суетливость и комичность профессора Выбегалло, который постоянно выбегает из одних аудиторий и забегает в другие с целью сделать что-нибудь

«полезное». Примечательно то, что в данном фрагменте авторы устами Романа Ойры-Ойры приписывают Выбегалле средний род, о чем свидетельствует форма глагола с флексией -о.

Другой показательный пример игры с внутренней формой антропонима: *«Я творил груши, а Роман требовал, чтобы я их ел. «Будешь работать, пока не получится что-нибудь съедобное, – говорил он. – А это отдашь Модесту. Он у нас Камноедов».* Фамилия Камноедов в данном тексте актуализирует внутреннюю форму «всеядный человек», если учитывать, что в магических экспериментах у Привалова получалось все, что угодно: от бытовых предметов до безобразных живых существ.

Эти примеры подтверждают тот факт, что функциональное и семантическое взаимодействие онимов и текстового окружения делает имена собственные не только полноценными языковыми единицами, но и особо значимыми элементами смысловой структуры текста [Деревяго 2008: 47].

Антропоним, включающий в свой состав мифоним (мифологическое имя), – Янус Полуэктович Невструев. Янус – в древнеримской мифологии двуликий бог дверей, входов, выходов, различных проходов, а также начала и конца. В повести у Невструева тоже два лица, два облика: А-Янус и У-Янус. Антропонимы образованы по принципу терминов: α -частица и γ -частица. Здесь очевидна актуальная для текста повести игра терминами. Авторы описывают различие между этими двумя лицами следующим образом: *«А-Янус выглядел несколько моложе, был неприветлив, всегда корректен и малоразговорчив. У-Янус, напротив, был всегда ласков, очень внимателен и обладал странной привычкой спрашивать: «Я с вами не беседовал вчера?».*

Отчество Януса «Полуэктович» произошло от имени Полуэкт, из греческого языка Полиевкт – «долгожданный». В повести есть такие строки: *«... этот посредственный администратор медленно, но верно превращается в выдающегося ученого...».* Таким образом, «долгожданный» – потому, что все находятся в ожидании, когда превращение Януса в ученого наконец

состоится. Или долгое ожидание того, когда же в руководстве будут больше обращаться к научным методам, а не псевдонаучным.

Фамилию Невструев можно разбить на следующие части: Не-в-струев. «По гипотезе о контрамотах – попавший не в свою струю времени. Для А-Януса – это посредственный администратор, чувствующий себя некомфортно среди людей талантливых и увлеченных своим делом» [Мерман 1991: 5].

Другое имя собственное с мифонимом – это Кербер Псоевич Демин. В своем «ФИО» этот герой имеет интересное сочетание. Демин в данном случае – нейтральная фамилия. Кербер (Цербер) – в древнегреческой мифологии трехголовый пес, у которого из пастьей течет ядовитая смесь. Отчество Псоевич образовано от старинного имени Псой, что означает «придирчивый», хотя на ассоциативном и фонетическом уровне возникает связь с лексемой *пес*. Отчество и имя героя наилучшим образом характеризуют героя, и это обыгрывается Стругацкими в повести.

– *Куда? – сказал я. Я знал куда.*

– *Газету делать.*

– *Зачем?*

– *Роман очень просит, потому что **Кербер лает**. Говорит, осталось два дня, а ничего не готово.*

Кербер Псоевич Демин, товарищ завкадрами, был куратором нашей газеты, главным подгонялой и цензором.

Вероятно, Кербер Псоевич Демин представляет собой образ той строгой и придирчивой цензуры, с которой постоянно приходилось сталкиваться не только братьям Стругацким, но и многим другим писателям того времени.

Следующее имя собственное является теонимом (именованием божества). Речь идет о Саваофе Бааловиче Одине. Саваоф – одно из ивритских имен Бога; Бааль (Ваал) – древнее семитское божество; Один – верховное божество в германо-скандинавской мифологии. С помощью имени

собственного Стругацкие придают этому герою некоторую сакральность, теоним становится «говорящим»:

К этому человеку все относились с большим пиететом. <...> От Саваофа Бааловича исходила чудовищная энергия. Было замечено, что в его присутствии часы начинают спешить и распрямляются треки элементарных частиц, искривленные магнитным полем.

Этот персонаж наделяется Стругацкими сверхъестественными силами, но не магическими, как у остальных героев, а высшими способностями, которые не описать с точки зрения разума или волшебства.

Особый интерес представляет имя эпизодического персонажа – Хрон Монадович Вий. Этот антропоним представляет собой некую философскую категорию. Имя Хрон происходит от греческого *chronos* и переводится как время. Отчество Монадович образовано, вероятно, от слова «монада», которое в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова имеет три значения:

МОНА'ДА, ы, ж. [греч. monas, букв. единство]. 1. У древних математиков – единица. 2. У древних философов, напр. пифагорейцев, принцип, лежащий в основе бытия (филос.). 3. Низший организм, переходный от растений к простейшим животным (зоол. устар.).

Фамилия в имени собственном Вий, согласно «Большому энциклопедическому словарю», означает: «в восточнославянской мифологии дух, несущий смерть. Имея огромные глаза с тяжелыми веками, Вий убивает своим взглядом». Если собрать воедино все значения имени, отчества и фамилии антропонима, то получится нечто вроде Дух Единства Времени.

Герой Хрон Монадович Вий впервые появляется на страницах повести, когда Привалов получает телефонограмму от Онучкиной. Далее в повести с этим персонажем мы не встречаемся, но его личность окружена неким ореолом таинственности – герой как дух, который существует во времени, но не виден для людей.

Следующие представители нестандартных, игровых имен собственных и двойных фамилий – Морис-Иоганн-Лаврентий Пупков-Задний и Перун Маркович Неунывай-Дубино.

Морис-Иоганн-Лаврентий Пупков-Задний – заведующий отделом Абсолютного Знания в НИИЧАВО. Имя Морис произошло от европейского мужского имени Maurice, которое является одним из вариантов греческого имени Маврикий (Mauritius), что в переводе на русский означает «темный, смуглый». Иоганн – германизированная форма имени древнееврейского происхождения Иоанн, которая в русском языке преобразовалась в форму Иван. Значение этого имени – «Бог смилостивился, Бог помиловал». Лаврентий – мужское имя латинского происхождения; восходит к лат. Laurens «лаврентский», что означает *житель Лаврента*. О происхождении фамилии данного персонажа можно только догадываться, однако интересен тот факт, что в медицине есть термин «задний пупок», который обозначает заболевание в крестцово-копчиковой области, а эволюционисты называют задним пупком место, где когда-то был хвост у человека.

В тексте Иоганн Лаврентьевич иронично изображается братьями Стругацкими как всезнающий человек:

*На председательском месте восседал заведомо магистр-академик, вся Белья, Черныя и Серыя магии **многознатец** Морис-Иоганн-Лаврентий Пупков-Задний и благосклонно взирал на суетящегося докладчика.*

Вероятно, имя собственное данного персонажа иронично отражает всестороннее знание Иоганна Лаврентьевича. Этот оним сочетает в себе принадлежность к разным народам и культурам, иронично совмещая магические верования, религию и науку. Недаром авторы наделяют этого героя характеристикой «многознатец». Этот герой также примечателен тем, что имеет две вариации имени собственного, которыми его называют другие персонажи повести: Морис Иоганнович и Иоганн Лаврентьевич. Каждый из вариантов имеет свою семантику, но авторы не дают никаких указаний на то,

чем одно имя отличается от другого. Этот герой как бы перевоплощается с помощью имени собственного, переходя из одной науки в другую.

Следует отметить, что Стругацкие часто используют имена еврейского происхождения. Это примечательно тем, что само слово «имя», соотносящееся с каким-то именем собственным, в еврейском языке семантически усложнено, так как имя – не просто ярлык, но выразитель характерных особенностей того, кому принадлежит. Имя для евреев – это суть человека. В повести «Понедельник начинается в субботу» читатели становятся очевидцами того, как имя героя выражает его суть. Имена собственные позволяют читателю выстраивать перспективу поведения персонажей через восприятие их онимов.

Антропоним Перун Маркович Неунывай-Дубино также имеет показательное сочетание фамилии, имени и отчества. Перун, согласно многим источникам и «Большому толковому словарю» С. А. Кузнецова, – это бог грома, молнии, покровитель воинов у древних славян-язычников. Отчество Маркович произошло предположительно от латинского слова *marcus* – молоток. Перун Маркович в повести занимает статус заведующего отделом Воинствующего Атеизма. Казалось бы, имя и отчество точно и четко подчеркивают деятельность героя: бог грома и войны с молотом работает в отделе Воинствующего Атеизма, где только он может занимать позицию бога. Однако фамилия персонажа сразу спускает Перуна Марковича с небес на землю, актуализируя второе значение лексемы «дубина»: 2. *перен. Тупой, глупый человек (прост. бран.)* [СОШ]. Стругацкие посредством фамилии словно говорят своему герою: «Ты хоть и глупый человек, но не унывай!» Иронично звучит и сочетание имени славянского божества, еврейского отчества и говорящей двойной фамилии.

И. Мерман предлагает также «расшифровку» фамилии главного героя повести Привалова Александра Ивановича. Привалов – фамилия, производная от «привал». Так, по В. И. Далю, назывался зять, которого брали в дом дочери, т. е. «привалившийся» в семью. Исследователь называет

Привалова человеком, который случайно «привалился» в НИИЧАВО и остается таким «человеком со стороны» на фоне остальных героев. Кроме того, и должность его – заведующий Вычислительным центром – подчеркивает содержание фамилии. «Имя и отчество героя самые обыкновенные и весьма распространенные. Это отчасти тоже говорит о внешней случайности Привалова в институте» [Мерман 1991: 4].

Однако рассуждения И. Мермана можно принять только как предположение, потому что говорящие имена не так нужны для основных героев, так как их характеры выявляются по ходу изложения. Яркие имена собственные «желательны для персонажей второстепенных и для лиц, остающихся «за сценой», служа своеобразным энциклопедическим минимумом, необходимым для введения их в речевую ситуацию» [Суперанская 1973: 287].

Как свидетельствует анализ текста, Стругацкие используют реально существующие модели именования, наполняя их новым содержанием и создавая новые окказиональные имена собственные. Все анализируемые антропонимы соответствуют принятой в нашей языковой культуре трехсловной формуле именования – ФИО (фамилия, имя, отчество), а само сочетание имен, отчеств и фамилий представляет собой яркое выражение словотворческого механизма языковой игры братьев Стругацких.

Однако не все имена собственные, встречающиеся в повести, соответствуют трехсловной формуле именования. Некоторым героям Стругацкие дали только имя и фамилию: Эдик Амперян (сотрудник отдела Линейного Счастья), Джузеппе Бальзамо (маг), Жиан Жиакомо (зав. отделом Универсальных Превращений). В тексте есть антропонимы, имеющие только имя: Ауэрс и Гонзаст (маги), Альфред (вурдалак), Вход и Выход (макродемоны), Смогулия (сотрудник отдела Абсолютного знания), Зекс (мастер левитации), также существуют онимы, обладающие одной лишь фамилией: Вешковский-Траубенбах (составитель приворотного зелья), Дубино-Княжицкий (доцент), Твердолобов (консерватор), Чинушин

(бюрократ). Персонажи, имеющие не трехсловную формулу именования, играют в основном эпизодические роли, но их имена тоже свидетельствуют о безграничной авторской фантазии.

Основные герои у Стругацких – это мужчины, но в повести есть несколько женских антропонимов. Эпизодические героини – это Стеллочка (ведьма-практикантка) и Новосмехова Лилечка (сотрудница НИИЧАВО). Самый яркий обладатель женского имени – Наина Киевна Горыныч. Наина Киевна у Стругацких является современной версией фольклорного образа Бабы-Яги из русских народных сказок. На это ясно указывает описание ее внешности и образа жизни в повести.

Хозяйке (Наине Киевне) было, наверное, за сто. Она шла к нам медленно, опираясь на суковатую палку, волоча ноги в валенках с галошами. Лицо у нее было темно-коричневое; из сплошной массы морщин выдавался вперед и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза бледные, тусклые, словно бы закрытые бельмами.

Произнесла она неожиданно звучным басом.

Вредная бабка постелила мне на полу.

Имя этой героини расширяет культурные коннотации, связывая образ с колдуньей Наиной из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» и с легендарным основателем Киева варягом Кием, что является указанием на древность и фундаментальность образа. Несомненна и прямая связь с былинным драконом Змеем Горынычем, который также упоминается в повести.

Имена собственные в повести «Понедельник начинается в субботу» наделяются братьями Стругацкими богатым разнообразием ассоциативных связей, что свидетельствует об особом положении онимов в тексте. Они выявляют ироничный взгляд на мир авторов и служат доказательством языкового мастерства писателей. Удачно выбранные, живые и яркие антропонимы становятся дополнительным средством характеристики персонажей, обеспечивают ироническую модальность всего текста,

наполняют его дополнительными смыслами, скрытыми при поверхностном чтении.

Литература

Агеенко Ф. Л. Словарь собственных имен русского языка. – М.: ООО «Издательство "Мир и Образование"», 2010.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус.яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Деревяго А. Н. Имя собственное в художественном тексте. Учебно-методическое пособие. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2008. – 239 с.

Мерман И. Фантазии на тему «Ономастика в произведениях братьев Стругацких» // Галактические новости, 1991. – № 45. – С. 4-5.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: Более 3000 единиц. – М.: Русские словари, 2000.

Суперанская А. В. Общая теории имени собственного. – М.: Наука. – 1973. – 366 с.

Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопросы ономастики. 2004. – № 1. – С.108-120.

Правила употребления диминутивов в русском языке, или Когда не стоит говорить о «человечках» и «делишках»

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ 15-04-00318

Аннотация

Настоящая статья посвящена особенностям употребления диминутивов в современном русском языке. Авторы обсуждают основные возможности и запреты употребления слов с уменьшительной семантикой.

Ключевые слова: культура речи, диминутив, словарь, лексикографическая интерпретация

Abstract

The article is devoted to the peculiarities diminutives in the modern Russian language. The authors discuss the main opportunities and bans the use of words with the diminutive semantics.

Key words: culture of speech, diminutive, dictionary, lexicographical interpretation

В окололингвистической среде очень широко распространено мнение о негативной роли диминутивов – слов с уменьшительным значением – в речи говорящих на русском языке. Диминутивом (от латинского глагола *diminuo* – раздроблять), или в другом написании деминутивом (от латинского существительного *deminutio* – уменьшение), традиционно считают «уменьшительное имя, производное существительное или прилагательное, имеющее значение чего-либо малого» [Русский язык и культура речи 2012: 216]. Семантика диминутивности включает в себя уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, фамильярно-ласкательное и уменьшительно-уничижительное словообразовательные значения, нередко сопровождаемые экспрессией и стилистическим снижением [Ефремова 1996].

В статье интернет-издания «Русский журнал» «На машинке в светлое будущее» Е. Барабаш с негодованием описывает употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «Эта самая “уменьшительная

ласкательность” стала настоящим монстром, монополистом на рынке словообразования. В магазине вам сделают скидочку, кондуктор в троллейбусе попросит приобрести билетки, милиционер потребует документки, дядя-доктор спросит, не болит ли глазик, и сделает укольчик... Как рассказывали, недавно экскурсовод Ясной Поляны предложил гостям пройти к могилке Толстого» [Барабаш – электронный ресурс].

Как отмечает журналист Ксения Туркова, диминутивы уже давно занимают устойчивую позицию в рубрике "Антислово" и являются сильнейшими раздражителями для многих носителей русского языка. В статье Ксении Турковой «Колоночка про диминутивчики» этот тезис подтверждается высказываниями тех, кто использует русский язык в своей профессии: «Телеведущая Татьяна Лазарева сказала, что за фразу «человечек пришел за денежкой» может по лицу съездить, писатель Анна Козлова в интервью заявила, что за слова «он хороший человечек» надо расстреливать или хотя бы штрафовать, писатель Денис Драгунский поведал, как в гневе ушел из кафе, увидев в меню «кофеек со сливочками», пресс-секретарь «Наших» Кристина Потупчик говорила о том, что всех, кто говорит «девонька» или «кисуля», надо принудительно лечить» [Туркова 1 — электронный ресурс]. Кроме того, журналист затронула яркое явление, появившееся сравнительно недавно: «мамский язык», который отличается употреблением «терминов, облеченных в приторно-сюсюкающую форму, например «овуляшечки», «беременюшечки», «годовасики» и «пихулечки» (толкания эмбриона)" и "неологизмов, густо приправленных уменьшительными суффиксами» [Туркова 2 — электронный ресурс]. Так как, по мнению журналиста, большинство людей относится негативно к такому языку, то и диминутивы автоматически стали восприниматься как «нечто слащавое» и «чужое». К. Туркова с удивлением признает, что «отношение к диминутивам <...> заставляет нас чувствовать некое интеллектуальное и даже моральное превосходство над рабами “супчиков” и “майонезиков”», и предполагает, что «"человечки” и “денежки” — это тоже

признаки зыбкости бытия, признаки неуверенности в том, что произносишь, и в том (в тех), кого называешь. Что-то вроде языковой трусости. Именно поэтому у многих она и вызывает такое отвращение» [Туркова 1 — электронный ресурс].

Вторит этому мнению и лингвист И. Левонтина: «Бесит всевозможная уменьшительность и ласкательность: *печенька, зая, к вам подскочит мой человечек, покусики, чмоки-чмоки*. Многие люди с отвращением цитируют сочетания типа «креативный человечек» и провозглашают «Смерть человечкам!» Настоящую ярость вызывают искажения слов на детский манер – *позязя (пожалуйста), мафынка, холесенкий*. А в последнее время модно ужасаться «мамскому сленгу» – всяким там *годовасикам, пузожителями и овуляшкам* [Левонтина 2015: 335].

Диминутивы избирательны по отношению к различным тематическим и лексико-семантическим группам.

Диминутивы широко распространены при употреблении существительных и прилагательных, объединенных фреймом «еда»: — *Я весь чай выпил давно, весь хлебушек свой прожевал*. (Захар Прилепин. Санькя), *"Потом ароматный супчик с какой-то зеленой травой и мудреными специями, рыбное ассорти и что-то вроде плова"* (Александр Хабургаев. Отдыхай, но знай кхмера // «Огонек», 2013), — *Давай скорее на кухню, я посуду помою и пол протру, а ты быстренько салатик какой-нибудь сообрази, а то неудобно, гость в доме, а у нас не убрано и накормить нечем* (Александра Маринина. Последний рассвет).

На особенности образования диминутивов обратил внимание Б. Ю. Норман: «От большинства названий транспортных средств уменьшительные существительные образуются легко, без каких-либо затруднений: *трамвайчик, вагончик, велосипедик, машинка, тележка, суденышко...* Но в других случаях совершается некоторое «насилие» над языком: *мотоциклик, автобусик, тракторчик...* В третьих же случаях диминутивы и вовсе не образуются (как будет уменьшительное производное

от слов *поезд* или *такси*). Все причины таких словообразовательных запретов перечислить трудно: они могут лежать в сфере фонетики или семантики или же находиться вообще за пределами языка, в самой окружающей действительности» [Норман 1994: 64].

При наличии широко распространенной формы *солнышко* существует запрет на образование диминутива от слова *луна*, хотя эти существительные находятся в одной лексико-семантической группе «небесные тела».

От существительных, выражающих различные отрезки времени, образуется форма *минутка*, но нет формы *секундка*. Другой диминутив употребляется в обоих случаях: *минуточка* и *секундочка*. От слова *неделя* образуется – *неделька*; от слова *месяц* – *месячишко*, *год* – *годик*, но у слова *век* производного с подобным значением нет.

Относительные прилагательные потенциально не могут присоединять уменьшительно-ласкательные суффиксы, так как не имеют форм субъективной оценки. Однако Н. В. Менькова пишет о том, что диминутивные относительные прилагательные «в игровых высказываниях способны это делать так же, как и качественные прилагательные. Ср.: (реплики персонажей из телесериала «Тайны следствия») – *Марья Сергеевна... ручками своими белыми протокольчик написала. – А дельце уголовненькое куда дела?* Или: название юмористической миниатюры в телепередаче П. Стоянова и И. Олейникова «Городок» – «*Сказка об аленьком цветочке и волшебненьком зеркальце*» [Менькова 2007: 154-155].

Прибавление диминутивных суффиксов к названиям профессий придает производным негативную оценку, таким образом говорящий демонстрирует презрение и насмешку. Например, показательным примером является диминутив «*врачишка*». Во всех примерах, найденных в НКРЯ, слова этой группы сопровождаются эмоционально окрашенными словами, усиливающими негативную оценку названного по профессии лица:

— *Был тут один **плевый** **врачишка**, сказал, что, как снег, мол, выпадет и тепло совсем сойдет, тогда станет полегче* (В. Маканин. Гражданин убегающий).

*Но медсестры Капитолины в просмотрке уже не было — она ушла курить, зато сбоку **вякнул** черненький **врачишка** по плоскостопию* (А. Эппель. Кастрировать Кастрюльца!).

В. А. Кузьменкова в статье «Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания» пишет: «Диминутив употребляется, чтобы выразить позитивное отношение к чему-либо. Например, название магазина «*Пятерочка*» показывает, что он пользуется популярностью у населения, вероятно, благодаря сравнительно низким ценам» [Кузьменкова 2007: 39]. В противовес этому можно заметить, что диминутивность в названии магазина, кафе, ресторана или клуба может вызвать сомнение по поводу качества предлагаемых продукции и услуг: «Аптечка»; «Кафешечка»; «Дочки-сыночки» - интернет-магазин детских товаров. Заметим, что не рекомендуется использовать диминутив в качестве названия предприятия, занимающегося серьезной деятельностью, так как это оттолкнет клиентов.

Не следует использовать диминутивы, говоря о достижениях, о работах или личном вкладе в нее другого человека, так как может возникнуть эффект пренебрежения, умаления его заслуг:

— *Конечно. Видишь, у него **медалька** висит? Это он конкурс чтецов президентских стихов выиграл* (Евгений Чижов. Перевод с подстрочника).

*Единственная что-то напоминающая деталь его обличья — это светло-серый костюм. На лацкане **какая-то** золоченая **медалька**. Из нагрудного кармана выглядывают **очочки** на цепочке; чтобы не потерялись* (Василий Аксенов. Таинственная страсть).

Если преподаватель спрашивает студента по поводу его работы: «*Как ваш **рефератик** поживает?*» или: «***Работка**, конечно, у вас хорошая, но стоит еще поработать над содержанием*», то в высказываниях появляется

негативный коммуникативный эффект, связанный с саркастичностью, понижающей результат деятельности студента.

Нежелательно употреблять диминутивы при разговоре с официальными лицами, так как этим вы невольно выражаете свою незначительность и проявляете подобострашие, что вызывает отрицательный коммуникативный эффект. Например: — *Нет ли у вас для меня какого-нибудь дельца?* — *Не найдется ли у вас местечка?*

Термины и связанные с наукой наименования тоже не могут быть преобразованы в диминутивы, так как появляющаяся эмоционально-экспрессивная оценка недопустима для научного стиля речи. В тех случаях, когда образование диминутива от терминов потенциально возможно, проявляется коммуникативный эффект языковой игры, то есть адресат понимает, что говорящий намеренно нарушает словообразовательную норму: *Вот какое у вас языкознание! Определите, какое личико у глагола.*

В процессе развития языка диминутивное значение может полностью или частично утрачиваться. Например, *шляпка* (гвоздя), *крючок* (рыболовный, вязальный), *спинка* (стула). В связи с этим появляется опасность коммуникативной неудачи в результате неснятой омонимии. Например, мама подходит к сыну, сидевшему на стуле и склонившемуся над книгой, и говорит:

— *Держи спинку!*

Мальчик хватается за спинку стула.

Н. В. Менькова в статье «Диминутивы как средство языковой игры» описывает случай, в котором подобное явление выступает средством языковой игры: «*Она обиделась на меня, а я ей говорю: – Ну, Женя, Женечка, Женю-у-усть! – Я согласна*» – вокативная форма диминутива с нулевым окончанием, судя по содержанию ответной реплики диалога, апеллирует к омонимичной ей форме глагола будущего времени с прагматикой обещания, которая в коммуникативно-речевой ситуации ссоры-обиды предстает как форма обещания-утешения. Комический эффект

возникает за счет презумпций, имеющихся у высказывания и связанных с психологическими страхами многих представителей мужского пола перед вступлением в брак» [Менькова 2014: 153].

Поэт Николай Агнивцев использовал диминутивы как средство создания иронии в стихотворении «Пастушка и пастух»:

Изящна, как игрушечка,

Прелестная пастушечка

Плела себе венки.

<...>

И пели в тэт-а-тэтике

Любовные дуэтики.

Что с ними дальше станется –

Вам скажет окончаньице.

Практически в каждой поэтической строчке есть диминутив, который обнаруживает фамильярно-уничижительное отношение к описываемой ситуации. Комический эффект создается с помощью окказионального образования диминутивных форм: *туточки*, *в тэт-а-тэтике*, *окончаньице*, *без промедленьица*, *вообразеньице*, *эпиложечек*. Строфа «*Ни черта с ней не станется. / Вот вам и окончаньице*» противопоставлением грубого выражения «ни черта» и диминутива «окончаньице» завершает это стихотворение.

Диминутивы могут использоваться в диалоге с детьми дошкольного возраста, так как каждый называемый взрослыми предмет получает положительную оценку благодаря тому, что трепетное отношение к детям распространяется на все, что находится рядом с ними. «Сюсюканье» в общении взрослых указывает на неуверенность говорящего в себе и его инфантильность.

Гибкость русского языка проявляется в способности слова включать не один, а несколько диминутивных суффиксов: *лист* + *-к-* – *листок* + *-к-* – *листочек* + *-к-* – *листочечек*. Конечно, слово «листочечек» потенциальное,

но именно потенциальность раскрывает словообразовательную диминутивную парадигму, демонстрируя способность к трехкратному уменьшению предмета (ср.: *дура – дуреха – дурешка – дурешечка* [Химик 2007: 107]).

Словообразовательный потенциал диминутивной семантики обнаруживается в рамках парадигмы одного слова. Например, бранное грубое русское слово «дурак», обозначающее ‘глупый, тупой человек’ [БТС 2001: 288] при добавлении диминутивных суффиксов приобретает новые лексические, грамматические и стилистические возможности.

В словообразовательном гнезде ‘дура’ несколько диминутивных дериватов: *дурочка; дуреха; дурачок; дурашка* [Тихонов 2003 I: 327].

Эмоционально-экспрессивные преобразования слова фиксирует краткий словарь-справочник В. В. Химика «Давайте говорить правильно! Словарь русских эмоционально-экспрессивных преобразований» [Химик 2007: 107]: *дурак – разг.: смягч. или ласк. дурачок; фам.-ласк. дурашка – усил.-ласк. дурашечка; <...> фам.-ласк. дурик; фам.-ласк. дурилка (от дурило).*

«Толковый словообразовательный словарь русского языка» И. А. Ширшова представляет значения диминутивных дериватов: *дуралей – дурной человек, часто ласк.; дурачок – уменьш.-ласк к дурак* [Ширшов 2004: 298].

Непереводимыми являются уменьшительные производные от имен собственных. Ср. *Юлия* и *Юля, Юлечка, Юленька, Юлька*. Выбор уменьшительной и ласкательной формы имени определяется не только спецификой значения и особенностями ситуации, но и привычками и предпочтениями говорящего.

При употреблении диминутивов следует учитывать возможность неодобрения собеседником языкового выбора. Препятствием к использованию деривата может стать комический эффект при образовании диминутивов от отдельных групп русской лексики.

Уменьшительно-ласкательные слова в качестве номинации коммерческих объектов вызывают неоднозначную реакцию потребителей. Диминутивы могут стать причиной неснятой омонимии или вызвать понижение стиля и повышение эмоционального фона речи.

Прямая функция диминутива – обозначить небольшую величину предмета, отразить небольшой размер предмета (например, *дерево – деревце, лампа – лампочка, магазин – магазинчик*), а также незначительное проявление признака (*красненький, тепленький*) и стилистическое снижение речи (*ранехонько, тошнехонько*). Не случайно ученые относят диминутивность к «экспрессивно-выразительной сфере функционирования языка» [Русакова 2013: 356].

Диминутивность, как и многие другие средства выразительности русского языка, может давать яркий положительный коммуникативный эффект, а может, напротив, становиться речевым недочетом, снижающим эффективность речи. В этом отношении диминутивность можно сравнить с лексическим повтором, тавтологией или инверсией. Неоправданное употребление этих явлений, несомненно, является ошибкой, но избегать средств выразительности, в том числе и диминутивности, – значит лишать свою речь преимуществ.

Употребление, как и избегание, слов с уменьшительно-ласкательным значением может стать выразительной чертой речевого портрета говорящего. Многообразие оттенков семантики и ситуаций, обуславливающих выбор одного из диминутивов, отражает своеобразие и богатство русского языка.

Литература

Барабаш Е. На машиночке в светлое будущее – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Na-mashinochke-v-svetlen-koe-buduschee>

Менькова Н. В. Диминутивы как средство языковой игры // Ярославский педагогический вестник. – 2014 – № 3 – С. 152-157.

Кузьменкова В. А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 34. - М., 2007.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 1994. – 228 с.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. — М.: Языки славянской культуры, 2013. – 568 с.

Туркова 1 – *Туркова К.* Колоночка про диминутивчики // Московские новости — 2012 URL: <http://www.mn.ru/oped/columns/81654>

Туркова 2 – *Туркова К.* О пихулечках и покакусиках // Московские новости — 2012. URL: <http://www.mn.ru/oped/84110>

Туркова К. Слово «патриотизм» возглавило список антислов 2013 года // Московские новости — 2013. URL: <http://www.mn.ru/society/edu/89029>

Словари

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2001. – 1536 с.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М.: Рус. яз., 1996. – 638 с.

Русский язык и культура речи. Практикум. Словарь: учеб. практич. пособие для бакалавров / под общ. ред. В. Д. Черняк. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – 525 с.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 1. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2003. – 860 с.

Химик В. В. Давайте говорить правильно! Словарь русских эмоционально-экспрессивных преобразований: Краткий словарь-справочник. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 428 с.

Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 37 000 слов русского языка, объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования. – М.:

«Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 1022 с.

Сведения об авторах

Башкова Екатерина Андреевна – студентка 2 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Богданова Наталия Владимировна – студентка 4 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Бутук Олеся Константиновна – студентка 4 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Губернская Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена

Джулаева Анастасия Игоревна – студентка 2 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Дунев Алексей Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена

Егорова Елена Николаевна – студентка 4 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Кириллова Надежда Федоровна – студентка 4 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Королева Варвара Александровна – студентка 2 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Мартыанова Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена

Михеева Ксения Алексеевна – студентка 2 курса магистратуры РГПУ им. А.И. Герцена, направление «Языковое образование»

Моисеева Екатерина Евгеньевна – студентка 3 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Пентина Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена

Румянцева Валентина Николаевна – студентка 1 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Салмина Диана Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена

Семенец Ольга Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена

Сергеева Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена

Степанчук Анна Андреевна – студентка 2 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Тишко Яна Александровна – студентка 4 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Фирсова Ксения Вадимовна – студентка 3 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Шишкина Мария Александровна – студентка 3 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Черняк Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка РГПУ им. А.И. Герцена

Эмдина Диана Михайловна – студентка 2 курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Оглавление

<i>Бутук О. К., Сергеева Е. В.</i> Смысловая трансформация традиционного понимания взаимоотношений «человек – кукла, а Бог – кукловод» в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки»	4
<i>Губернская Т. В., Пентина А. Ю., Степанчук А. А.</i> К вопросу о динамике прагматикона: прецедентные феномены в ассоциативном поле лексем «звезда»	9
<i>Дунев А. И., Фирсова К. В.</i> Интенция намерения в аспектуальной семантике русских глаголов	18
<i>Королева В. А., Салмина Д. В.</i> Актуальные англицизмы в лексиконе современного модельного бизнеса	25
<i>Мартьянова И. А., Егорова Е. Н.</i> Своеобразие динамической ситуации наблюдения в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки»	35
<i>Мартьянова И. А., Михеева К. А.</i> Теоретические и прикладные аспекты риторического наследия Ю. М. Лотмана	40
<i>Румянцева В. Н., Салмина Д. В.</i> О расширении словообразовательной парадигмы имен существительных с суффиксом <i>-ант</i> в современной речи	44
<i>Салмина Д. В., Кириллова Н. Ф.</i> Слово <i>акция</i> в современной речи	53
<i>Салмина Д. В., Моисеева Е. Е.</i> О новых модных словах в молодежной речи	65
<i>Семенец О. П., Башкова Е. А.</i> Лингвистические механизмы дискредитации религиозной лексики в толковом словаре	74
<i>Семенец О. П., Джулаева А. И.</i> Лексико-семантическое поле «сладкое» в зеркале языковой игры	79
<i>Семенец О. П., Шишкина М. А.</i> Особенности восприятия фразеологизмов учащимися 5-х классов	85
<i>Тишко Я. А., Черняк В. Д.</i> Имя собственное в художественном пространстве повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»	94
<i>Эмдина Д. М., Дунев А. И.</i> Правила употребления диминутивов в русском языке, или Когда не стоит говорить о «человечках» и «делишках»	106
<i>Сведения об авторах</i>	117
<i>Оглавление</i>	119

Проблемы формирования
лингвокультурной компетенции

Сборник научных статей

Герценовские чтения – 2016

Выпуск 3

Отв. ред. В.Д. Черняк

Редактор *Дунев А.И.*